

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МИХАИЛ БАБКИН

ХИТНИК

Михаил Александрович Бабкин
Хитник
Серия «Хитники», книга 1

авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139374
Хитник: АРМАДА: «Альфа-книга»; Москва; 2006
ISBN 5-93556-747-4

Аннотация

Что делать простому парню, если в нем поселилось сразу несколько личностей, заархивированных и вложенных одна в другую наподобие матрешек? Если в башке у обычника не только дух мастера-хака сидит, но и еще с полдюжину психоматриц других крутых магов? Духовная сущность хака не покинет временное пристанище и не обретет вновь материальное воплощение, пока его оторванная голова не будет найдена и прижита к его же обезглавленному телу. Вот и надо искать. И выяснить, кто все это сделал. И уйти от опасных преследователей. Хорошо еще, что компания подобралась хоть и специфическая, но веселая. Обычник с хаком в голове, гном да бабай...

А началось все с чужого кошелька у ресторана и полного флакона мнимой выпивки из какой-то чертовски странной аптеки.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Михаил Бабкин

Хитник

Хитник – злой, нечистый дух.

В. Даль

*Чрезмерное употребление пива вредит Вашему здоровью.
Предупреждение к рекламе пива*

Глава 1

В городе наконец-то закончилась подготовка к завтрашнему празднику – в наступивших вечерних сумерках на громадном рекламном видеозэкране, поутру установленном возле здания мэрии, зажётся приветственный лозунг: «Да здравствует Первое Мая!»

Что означало конец предпраздничной суете и напоминало гражданам о гарантированном Конституцией выходном дне, который надо потратить с толком. Ну, хотя бы основательно выпить-закусить, если лень станет ехать на дачи-огороды. Или вдруг погода не заладится.

Собственно, подготовка началась давно, за месяц до красной календарной даты, бывшей ранее государственно важной и значимой, а ныне называющейся скромно и политкорректно: «Праздник весны и труда».

А ещё это был день рождения мэра.

Весь апрель на центральных улицах трудились дорожные рабочие – в оранжевых куртках, при оглушительно рычащей иностранной технике – и меняли, где ни попадя, по известным только им секретным коммунальным планам хороший, всего лишь годичной давности, асфальт на новый. Не менее хороший.

Фасады соседних с мэрией зданий тоже спешно обновлялись, отчего воздух в центре города нестерпимо вонял нитроокраской, отработанным дизельным топливом и горячим асфальтом. В общем, пахло городской весной и обязательным, неотвратимым праздником!

Двери и козырьки магазинов за неделю до дня всеобщего трудового ликования украсились разноцветными воздушными шарами, а в витринах появились броские плакаты с сообщением о «первомайской распродаже с невероятными скидками! Только один день!» Голые, ещё безлистные деревья увесились гирляндами ярко мигающих по ночной поре лампочек; оживились уличные фотографии, навязчивые рекламные агенты и политические зазывалы. Впрочем, если фотографии и агенты действовали безмолвно, попросту суя в руки прохожих свои визитные карточки и рекламные листки, то зазывалы действовали гораздо наглее. От их разнобойных и противоречивых мегафонных криков, призывающих всех на первомайские митинги и демонстрации, а заодно к свержению чего-то там, поддержке кого-то там, непременно забастовке, недопущению и наказанию всех подряд – у непривычного человека тут же начинала болеть голова.

Глеб Матвеев был ко всему привычен и потому не обращал внимания ни на ремонт центральной улицы, ни на жестяные вопли партийных глашатаев, ни на прохожих. Глеб был сам по себе, а праздник – сам по себе. Да и то, какой к чёрту праздник, когда денег в кармане кот наплакал, в холодильнике пусто, а плата за снимаемую комнатёнку просрочена на месяц... Хорошо хоть владелец двухкомнатной квартиры был мужиком простым, без претензий: как ушёл дней десять тому назад в запой, так по сию пору и гулял где-то, напрочь

забыв о своём квартиранте и его долге. Что Глеба, конечно, очень даже устраивало. Но от оплаты всё равно никуда не денешься...

Было Глебу двадцать семь и был он, говоря по-современному, «пожизненным лузером» – неудачником, плывущим в жизни по течению. Куда вынесет, туда и вынесет: обременять себя далеко идущими планами Глеб не собирался, его и так всё устраивало. Есть случайная работа и деньги – гуляем, нет денег – бутылки собираем. Или играем на гитаре где-нибудь в подземном переходе, пока музыкальные конкуренты не выгонят: у них там тоже всё схвачено, и «крыша» есть, и милиция своя, с пониманием. Но подзаработать немножко всё ж давали, из жалости – очень уж вид у Глеба странный был... не от мира сего, скажем так. Худощавый, роста выше среднего, тёмные волосы до плеч; брови домиком, печальные серозелёные глаза – зачастую Глеб прятал их за очками, тёмными и круглыми, один в один как у Джона Леннона; неухоженная, вечно растрёпанная борода а-ля Гребенщиков и всегдашняя, стиранная до потери первоначального цвета бросовая одежда из «Секонд хэнда». Плюс обувь из тех же запасов. Убогий вид, что и говорить... А убогих в подземных переходах старались не обижать, пускай себе! Как пришли, так и уйдут, чего уж там... Тем более, что на оскорбления Глеб не отвечал и в драку не лез – в общем, связываться с ним ни музыкальным конкурентам, ни милиции интереса не было. Ни денег отобрать, ни морду в запале побить, потому как вроде и не за что; одно слово – тоска ходячая, а не человек!

Разумеется «убогим» в обывательском смысле этого слова Глеб никогда не был. Но выглядеть недалёким полунищим было зачастую выгодно – во-первых, на него не обращала внимания милиция, когда он отправлялся за «бутылочной валютой» в городской парк имени писателя М. Горького, заодно проверяя глубокие урны на соседней с парком центральной улице. Во-вторых, жалостливые продавщицы на отработанном маршруте нет-нет да и подкармливали «бедненького мальчика» то пирожками, то чебуреками. А то и пивком угощали, если настроение было. Ну а в-третьих – и это самое главное! – его не замечали занятые своими делами прохожие. Нет, не то что бы нарочно нос воротили, не дошёл ещё Глеб Матвеев до той черты, когда человека не замечают *демонстративно*: Глеба не замечали подознательно. Воспринимали как пустое место, соответственно его одежде и социальной значимости. Недочеловек, но и недобомж: нечто среднее, несущественное и ничем внятно не обозначенное. Как тень – много ли внимания на неё обращают?

Глеб прекрасно умел пользоваться этой своей незаметностью. Воровать он не воровал, упаси Боже, но вот оставленную на некоторое время без присмотра чью-нибудь сумку или портфель – если владелец слишком долго изучал ворон в небе или чересчур увлеклся разговором по сотовому – законно объявлял своей находкой и уносил не слишком таясь, мгновенно исчезая среди прохожих. Словно невидимым делался... Впрочем, подобные «находки» у Глеба случались не часто и особой прибыли не давали.

Глеб Матвеев приехал в город лет пять тому назад из далёкого посёлка, не обозначенного не только на глобусе Земли, но и на подробной карте России; за славой и деньгами приехал, вот как. Прослышал, что в больших городах денег куры не клюют и любой маломальский толковый человек запросто может там сколотить себе приличное состояние, а после валять дурака и жить в своё удовольствие.

Ну, с состоянием у него ничего не вышло, не получилось как-то, а вот со всем остальным был полный порядок. Во всяком случае возвращаться в свой посёлок Глеб не собирался, больно надо! Лишь изредка писал письма отцу и матери, где сообщал, что у него всё хорошо, дела идут в гору, скоро заводик по производству плавленых сырков прикупит, тогда и денег прийдёт. А пока что замучили проблемы с фининспекторами, налоговой полицией и местными бандитами: всё точь-в-точь как по телевизору показывают, из жизни крутых бизнесменов. После чего шёл отправлять письмо на родину и попутно собирать пустые бутылки.

Родители Глебу не верили, обзывали его в ответных письмах «шпаной» и настоятельно требовали, чтобы сынок или немедленно женился на городской – для прописки и обуздания молодецкой дурости – или «вертался до хаты», где ему быстро вправят мозги на место. Тем более, что поселковый тракторист помер от дурного самогона и теперь есть рабочее место.

Насчёт женитьбы Глеб был не против, но как-нибудь потом, после... Когда дела и впрямь пойдут в гору: может, выиграет миллион в лотерею, а может, найдёт где сумку с килограммом стобаксовых купюр. Тогда и жениться не стыдно, почему ж нет! А пока для общения хватало Вики, тридцатилетней соседки по этажу, такой же как он мечтательницы и пожизненной «лузерши». Кстати, у соседки была знатная библиотека и Глеб волей-неволей приучился к чтению книг, чтобы соответствовать уровню Вики – не всё ж в постели с ней миловаться, иногда и поговорить с человеком надо! О вечном, умном: о поэзии, фантастике и детективах.

Вот так, в приятных мыслях о килограммовом счастье, брёл господин Глеб Матвеев по вечерней праздничной улице, мельком посматривая на разноцветные витрины, и по привычке заглядывая в решетчатые урны – всё равно стеклоприёмные пункты уже закрыты, чего зря посуду в руках таскать.

Однако мечты мечтами, а жрать хотелось до невозможности: сегодня Глеб весь день искал работу, хоть какую. Даже и не разовую, даже – эхма, трудиться так трудиться! – на целую неделю. Надо ж за квартиру платить, того и гляди хозяин из водочного заплыва вернётся... Но, как назло, все возможные места были заняты конкурентами, этими беспринципными сволочами и наймитами буржуев, которым плевать на всех, кроме себя. Вернее, плевать на Глеба... Эх, кабы Глеб занял какое из тех рабочих мест, он бы тоже поплевал на неудачников с большим удовольствием!

В карманах было негусто, всего пара червонцев с мелочью, особо не разгуляешься; в ближайшем продуктовом магазине Глеб купил полбуханки хлеба, маленькую бутылку дешёвой минералки и плавленый сырок (увы, не с его личного заводика) – вот и харч на сегодня. А что будет завтра, Глеба не беспокоило, уж как-нибудь да выкрутится! Не впервой.

Сев на лавочку напротив ресторана с лесным названием «Ёлки-палки», Глеб приступил к ужину. Конечно, хлеб с сырком – это вам не ростбиф с кровью и даже не покупные пельмени, но наестся можно. А если смотреть сквозь стеклянные окна на пирующих за столиками буржуев и представлять себя на их месте – жаренная на пахучем сливочном масле румяная куриная ножка, с гарниром из молочно-белого картофельного пюре; тающий во рту салат «Оливье» с нежной телятиной и дорогим майонезом; тонко нарезанные свежие помидорчики и огурчики, присыпанные не менее свежей зеленью; запотевший графинчик с хрустально-прозрачной водкой высшего качества, да под маринованные грибочки – то и хлеб сойдёт, чего уж там!

Однако доесть бутерброд из полбуханки и твёрдого сырка Глеб не успел. Громко хлопнула стеклянная дверь, едва не разбившись, и на улицу из ресторана выскочили двое – в чёрных костюмах и при галстуках, злые, оружие друг на друга; вмиг началась драка. Уж что не поделили эти два буржуя, Глеб не знал, да и дела ему не было до их проблем. Вон, вкусно поели-попили, дошли до кондиции и решили размяться, ногами-руками помахать, эка невидаль! Жаль, что оторвали от фантазий: хлеб вмиг стал хлебом, а сырок приобрёл вкус несвежего творога.

Попивая минералку, Глеб равнодушно смотрел, как два здоровяка мутузят друг дружку почём зря: происходящее чем-то напоминало ему гонконговские фильмы, очень уж профессионально дрались мужики, не по-детски грамотно. Прохожие, разумеется, кинулись врассыпную, но недалеко – даже спешившие немедленно остановились и стали поглядывать издали, чем закончится нежданное мордобойное дело.

И тут у одного из мужиков, лихо крутанувшегося на ноге, чтобы другой заехать в челюсть спарринг-партнёру, из кармана пиджака вылетело что-то тёмное, прямоугольное, и упало аккуратно возле лавочки, на которой сидел Глеб.

– Опс, – встрепнулся Глеб, бросая недоеденный хлеб, – находочка! – он быстро огляделся, не видел ли кто ещё, и, наклонившись, ухватил тёмное и прямоугольное, на ощупь оказавшееся толстым, жёстким и с застёжкой. Портмоне, однозначно!

– Мне пора, – решил Глеб, вставая с лавки и собираясь, как обычно, незаметно нырнуть в собравшуюся толпу, раствориться в ней. Но тут случилось непредвиденное.

Бесцеремонно растолкав зевак, к месту драки выбежал милицейский патруль, да не обычный, а предпразднично усиленный: четверо дюжих молодцов в камуфляжках, с готовыми к бою дубинками. И одновременно в толпе завопил какой-то мерзкий пацанёнок, наверняка ябеда и маменькин сынок, уж Глеб таких достаточно повидал на своём веку:

– А вон тот у них кошелёк украл, я видел! Вон тот бомж, у лавочки! С козлиной бородой! – ближний к «бомжу» мент развернулся и без каких-либо разговоров цапнул его за плечо. Глеб, вспомнив свою любимую присказку: «Ноги мои ноги, унесите мою попу!», рванул с места в карьер, вырвавшись из крепкого захвата. Перепрыгнув через лавку, парень кинулся куда глаза глядят.

– Стоять! – истошно завопил позади него одураченный служитель порядка, – стоять, падла! – и тут же за спиной Глеба раздался топот казённых ботинок.

Глеб бежал не оглядываясь и не разбирая дороги: ветер развеивал его волосы и бородку, делая Глеба похожим на удирающего от праведного наказания демона; над головой мелькали жёлтые нимбы тротуарных фонарей, то и дело высвечивая беглеца – спрятаться на центральной улице от милицейского ангела мести было негде. Краем глаза Глеб отмечал заинтересованные лица встречающих прохожих, а краем уха слышал неотстающий топот: преследователь оказался упорным, то ли неохота ему было связываться с двумя ресторанными каратистами, то ли просто побегать захотелось, кто его знает!

Бежать поначалу было тяжело, сказывалось съеденное, но уже через полминуты Глеб почувствовал себя гораздо лучше – видимо, хлеб с сыром и минералкой пришли к выводу, что им сейчас не стоит вмешиваться в чужую разборку, целее будут, и провалились куда-то внутрь организма. Куда подальше.

Глеб нырнул в первую попавшуюся улочку – она была освещена не столь ярко – промчался по ней, отшвыривая мешающих дураков-прохожих; нырнул в другую, ещё темней, потом в следующую, потом ещё куда-то свернул... Топот за спиной Глеба уже давно стих, потерялся милицейский преследователь в лабиринте старых построек, тех, которые мэр в своё время обещал или снести, или благоустроить, но то времени не хватало, то денег, то желания... а Глеб всё бежал и бежал. Ноги сами несли его невесть куда.

Наконец до Глеба дошло, что погоня закончилась: тяжело дыша и часто оглядываясь – темно позади, ни черта не видно! Ни милиции, ни прохожих, – парень перешёл на шаг, потом и вовсе остановился. И осмотрелся по сторонам.

Глеб хорошо знал город, а в особенности прилегающие к главной городской улице древние застройки с кривыми улочками-переулочками и двухэтажными домами ещё дореволюционной постройки. Однако в подобном месте Глебу никогда бывать не приходилось. Мало того – скажи ему кто, что в старом районе города есть *такая* улица, никогда бы не поверил! Никогда!

Вообще-то Глеб бежал в сторону городского рынка и, по идее, должен был сейчас оказаться именно там – кстати, очень хороший рынок, на котором, особенно в летнюю пору, можно купить всё что угодно, причём не дорого. Кроме оружия, разумеется... Хотя поговаривали, что при необходимости и нужном количестве денег огнестрельное добро тоже найдётся.

Рынок был местом многолюдным, даже по вечерней поре; к тому же возле рынка, основательно въехав пристройками на его территорию, стояла церковь, монументальное строение с золотыми куполами и крестами, с высоченной башней-звонницей, – возле церкви, как правило, тоже не безлюдно, есть где затеряться...

Однако ни рынка, ни приметной даже в ночную пору златоглавой церкви поблизости не наблюдалось, не было их, словно никогда и не существовало.

– Да где же это я? – озираясь по сторонам, прошептал Глеб.

Неширокая улица тянулась вдаль, растворяясь в полумраке. Трёхэтажные дома с непривычно островерхими крышами тускло светились узкими, похожими на замковые бойницы окнами; чугунные фонари, явно газосветные, бросали на блестящую, словно мокрую брусчатку дрожащий бело-голубой свет. И, что самое поразительное, было ненормально тихо. Так тихо, словно все жители странной улочки массово уехали в честь первого мая на Канарские острова, заодно прихватив с собой местных уличных собак, кошек и птиц.

Страшная была улочка, подозрительная.

Справа от Глеба, над каменными ступеньками с чугунными перильцами, по бокам дубовой двери висели два настенных светильника, круглые, карамельно-зелёного цвета. На изумрудном фоне каждого из них чётко высвечивалась алая надпись: «Аптека» – буквы были яркие и сочные, словно вплавленные в зелень стекла.

– Улица, фонарь, аптека, – сказал Глеб и нервно хихикнул. – Классика, блин. – Тут он вспомнил о зажатом в руке кошельке. Поднявшись по ступенькам поближе к зелёному свету – идти под чугунные фонари не хотелось, слишком они, те фонари, неправильными были, неуместными при нынешнем электрическом освещении – Глеб расстегнул кнопку-застёжку, раскрыл туго набитое портмоне как книжку и принялся изучать содержимое.

Первое, что увидел парень, были не деньги, хотя их в портмоне хватало – нехуденькая пачка в полсантиметра толщиной, то ли рубли, то ли доллары, поди разберись при зелёном освещении... Первым делом Глеб обнаружил тлеющую ровным бирюзовым светом карточку, наподобие кредитной: карточка лежала в отдельном прозрачном кармашке аккуратно на развороте портмоне. Осторожно подцепив её ногтями, Глеб вынул карточку из кармашка и, пугаясь тому, что, может, она смертельно радиоактивная, оттого-то и светится, осмотрел кусочек пластика со всех сторон. Нет, ничего на той карточке не было, ни выдавленных цифр и букв, ни логотипа какого банка, ни обязательной магнитной полоски – ничего! Загадка, загадка...

– И долго мне ещё ждать, пока вы налюбуетесь адресной пластинкой? – желчно сказал кто-то позади Глеба неприятным, скрипучим голосом; Глеб от неожиданности чуть не рухнул со ступенек, ладно что перильце вовремя под руку попало! Парень резко обернулся: пока он решал, опасна или не опасна бирюзовая находка, дверь за его спиной открылась – бесшумно, как в фильме ужасов. Тот, кто стоял в дверном проёме, несомненно явился оттуда же, из того же фильма: низкорослый аптекарь-старикашка в чёрном похоронном костюме странного покроя, застёгнутом до горла на громадные блестящие пуговицы, с чёрной же плоской шляпой на голове и зелёным вурдалачьим лицом. На ногах старикашки красовались высокие башмаки с серебряными пряжками размерами немногим меньше самих башмаков.

Позади аптекаря клубился серый туман – наверное, последствия какого-то неудачного лекарственного эксперимента: непростое оно дело, всякие новые пургены да касторовые масла изобретать! Вредная профессия, несомненно. Пожароопасная.

– Го... гоблин! – в полный голос воскликнул Глеб, таращась на зеленолицего старикашку, и лишь после вспомнил об изумрудных светильниках: ей-ей сплошной Хэллоуин, а не дежурное освещение!

– Где? – оглядевшись по сторонам, поморщился аптекарь. – Здесь? Ха! Вот не надо, молодой человек, этих ваших шуточек, не надо. Я знаю, что охранники – люди с особым

чувством юмора, но всё же... – старикашка вынул из руки застывшего Глеба карточку и небрежно сунул её в карман пиджака. – Думаю, она вам больше не нужна. Давайте перейдём к делу, я и так уже опаздываю, – аптекарь раздражённо фыркнул, повернулся и ушёл в туман; заинтригованный Глеб, на всякий случай зажав нос пальцами, последовал за старикашкой – его, несомненно, с кем-то спутали, да, но отчего же не подыграть? Авось он с этой путаницы чего-нибудь и поимеет! Денег там, или дефицитных лекарств... Или, может, наркоту. Наркотиками Глеб не пользовался, водка для здоровья полезней, но знал одно место, где у него могли купить толковые «колёса» за вполне приличную цену. В общем, с дедом-аптекарем стоило пообщаться!

Как ни странно, само аптечное помещение было чистое, вовсе не задымленное. Несколько изумлённый Глеб даже остановился на секундошку, оглянулся – серый туман клубился лишь в дверном проёме, удивительным образом из него не вытекая.

– Это, наверное, дезинфекция здесь такая, особая, – в сомнении пробормотал Глеб, для проверки потыкав в туман кулаком, – от холерных микробов. Медицинское учреждение, всё ж таки...

– Молодой человек, с защитным пологом всё в порядке, можете не проверять, – приостановившись, нетерпеливо повысил голос аптекарь, – время! Время! Мне давно уже пора быть на празднике!

– Да-да, – спохватился Глеб, – разумеется, – и пошёл за старикашкой, с понятным интересом разглядывая дивную аптеку. Весьма необычную, надо сказать, уж Глеб всякие аптеки повидал, и государственные, и частные, и подпольные... Было с чем сравнивать.

Помещение оказалось без окон, просторным и высоким, ярко освещённым старомодно-хрустальной люстрой: ни газовых рожков, ни лампочек в люстре Глеб не заметил – похоже, светились сами хрустальные подвески. На стенах, под потолком, висели головы разных животных, большинство из которых Глеб видел впервые и понятия не имел, как они называются и где такие зверюги водятся. Единственная голова, которую он опознал, была массивная башка носорога с отпиленным под основание рогом – очевидно, аптекарь был знатным охотником! Гроза прерий и саванн, так его и растак...

Ещё вдоль стен высились белые шкафы со стеклянными дверцами: за дверцами, понятное дело, стояли всяческие разнокалиберные бутылочки с торчащими из-под резинок на горлышке записками, колбы с разноцветными жидкостями, длинногорлые фаянсовые кувшинчики и прочие медицинские банки-склянки.

Поперёк зала протянулся широкий прилавок с установленным на нём кассовым аппаратом неведь какого года выпуска – чёрным, громоздким, с вращающейся железной ручкой сбоку. Подобные счётные механизмы Глеб видел лишь в кино, про Америку тридцатых годов: именно такие кассы любили потрошить гангстеры, предварительно дав очередь в потолок заведения, для пущего эффекта. Или не в потолок, а сразу на поражение – в общем, когда как...

За прилавком, вдалеке, меж белых шкафов была видна дверь с большой понятной табличкой: «Вход только для персонала».

Рядом с кассой, абсолютно здесь неуместный, находился приличных размеров компьютерный монитор, ни к чему не подключённый. Глеб сразу представил себе, как по ночам коротышка-аптекарь подсоединяет тот монитор к системному блоку и, похрюкивая от возбуждения, лазит в Интернете по порносайтам – парень не удержался, захихикал.

– Не вижу причины для столь неуместного веселья, – надменно произнёс старикашка, останавливаясь возле прилавка и поворачиваясь к Глебу. – Вы опоздали на полчаса! Вам не хихикать надо, а горестно думать о том, что я сообщу завтра вашему начальству! Учтите, найти работу охранника по вызову после скандального увольнения, да ещё с подмоченной

репутацией, будет не так-то просто... От меня теперь зависит, работать вам дальше в агентстве или нет.

– Виноват, исправлюсь, – вытянулся по стойке «смирно» Глеб, в душе посылая коротышку куда подальше. – Больше не повторится! Транспортные проблемы, господин аптекарь! Праздник, что поделать... Пешком бежал! Торопился, очень.

– Ага, – сказал аптекарь, уперев руки в бока и сверля Глеба злым взглядом. – Мда, действительно... Ладно, так и быть, прощаю в честь праздника. Но чаевых всё равно не получите, учтите! Не заслужили, да-с... Оплата будет стандартная, по таксе: сто долларов за ночное дежурство вам, десять агентству и ни цента больше! Утром и вручу.

– Рад стараться! – гаркнул от неожиданности Глеб: сто баксов за нефиг делать, да ещё аптека на всю ночь в его распоряжении – это, знаете ли, повезло так повезло. Редкостная удача!

– Ну-ну, – неопределённо ответил аптекарь, – будем надеяться... Спринт-шокер под кассой, бой-свисток там же, но пользоваться им только в крайнем случае, понятно? – Глеб охотно кивнул.

– Маршрутная карта обхода помещений на стене, вон там, – старикашка махнул рукой в сторону носорожьей головы: под ней действительно висело нечто цветастое, в рамочке, что Глеб поначалу принял за абстрактную картину. – Обходить каждый час. Особо обращать внимание на сейфовое помещение! Если оттуда, не приведи случай, пропадёт мой горшок, – аптекарь сделал драматическую паузу и, многозначительно разделяя слова, закончил фразу: – я... тебя... везде... достану.

Глеб промолчал, сказать было нечего: аптекарь однозначно и несомненно давным-давно сошёл с ума – ну на кой хрен, скажите, и кому нужен его ночной горшок? Тем более запертый в какой-то сейфовой комнате... И как подобным типам лекарства-то составлять разрешают, ведь потравит всех клиентов, зараза! Впрочем, это была не его, Глеба, проблема.

Убедившись, что охранник проникся важностью поручения, старикашка внезапно подобрел и, улыбнувшись Глебу щербатой улыбкой, сообщил:

– Ежели меня будут спрашивать всякие забывчивые, – он похлопал ладонью по монитору, – то я, само собой, на горе Брокен, в Гарце. Буду утром, часиков в восемь, не раньше. – Аптекарь подумал и нехотя добавил: – Ну-с, поздравляю с Вальпургиевой ночью, желаю спокойного дежурства и всякое такое! До завтра, – старикашка просеменил мимо опешившего Глеба, нырнул в серый туман. Потом, что-то вспомнив, наполовину вынырнул и, сварливо произнеся:

– Я сейчас включу защитный полог и запру дверь. К пологу не подходить, он чужих не признаёт, убьёт сразу, – окончательно исчез; за туманом лязгнул замок и Глеб остался один.

Опасливо косясь на серый туман, Глеб обошёл прилавок, присел и заглянул под кассовый аппарат: на полочке, в специальных зажимах, лежала белая дубинка с оранжевой рукоятью. Возле дубинки, в железной коробке под стеклянной крышкой, поблескивал хромом круглый, размером со средний мандарин, свисток на длинной цепочке. Глеб вынул из зажимов дубинку – неожиданно тяжёлую, словно сделанную из мрамора – достал свисток и принялся разглядывать табельные средства защиты и охраны. То есть выяснять, что в них такого спринт-шокерского и бой-свисткового.

С первым Глеб разобрался быстро: на рукояти дубинки нашлась кнопка, которую он не раздумывая нажал – да и то, чего тут думать! Коли увидел где какую кнопку – сразу дави, не увидел – не дави... Простая житейская логика, всем и всюду понятная. Даже обезьянам.

Спринт-шокер вмиг налился яростно-голубым цветом, вокруг дубинки с сухим треском заплясали короткие молнии; запахло озоном и перегретой изоляцией. Глеб, открыв рот, с полминуты смотрел на электрическое чудо, а после убрал палец с кнопки.

– Поди, японская разработка, – уважительно сказал он, осторожно всовывая нагретую дубинку за пояс брюк, – высоковольтная, на батарейках! Умеют самураи всякую оружейную фигню выдумывать, чего не отнять, того не отнять, – и перешёл к изучению бой-свистка.

Бой-свисток оказался штучкой помудреннее спринт-шокера: во-первых, у него имелся предохранительный клапан с рычажком, закрывающий входное отверстие, и потому дунуть в свисток просто так, случайно, никак не получилось бы – вначале надо было нажать на рычажок. А, во-вторых, на свистке обнаружилась художественно выполненная гравировка: череп с двумя скрещенными под ним косточками. И с предупреждающей надписью, пониже косточек: «За необоснованное использование штрафа в размере пяти лет жизни».

– Да ну его нахрен, – правильно рассудил Глеб, засовывая вредный свисток назад в коробку, – обойдусь как-нибудь одной дубинкой! Что это за порядки – подудел по приколу не вовремя, а тебя в тюрьму на пять лет... Буржуйский произвол, одно слово. – Сложив руки за спиной и по-гусарски выпятив грудь, Глеб подошёл к носорожьей голове и, покачиваясь с пятки на носок, ознакомился с маршрутной картой. Обходить аптеку каждый час он не собирался, ишь чего захотели, но узнать, где что находится вовсе не помешает... Опять же, шутки шутками, но всё же надо хоть изредка поглядывать на то сейфовое помещение с горшком! Похоже, чокнутый аптекарь не врал по поводу того, что сможет достать «охранника» где бы он ни был – разумеется, в случае пропажи того ночного горшка. И ещё у Глеба возникло нехорошее ощущение, что он вляпался во что-то не столь безобидное и прибыльное, как показалось ему сначала. Очень может быть, что услугами этой аптеки пользуются далеко не простые смертные, ох и не простые! Местные «крёстные отцы», например. Или вообще какая-нибудь тайная экстремистская организация с шахидскими поясами от радикулита... Искать и тырить наркотики Глебу совершенно расхотелось, пропади они пропадом! Жизнь дороже.

Судя по маршрутной карте, аптека была большой. Да что там большой – огромной! Настоящий лабиринт с запутанными ходами-коридорами, всяческими залами, зальчиками, подсобками и кладовыми, раскрашенными на плане в разные цвета. Маршрутную карту вдоль и поперёк испещрили тонкие стрелки-указатели, подписанные малопонятными пиктограммами; особо выделялись два помещения, помеченные красным кружочком и синим крестиком.

В кружочке была изображена то ли пивная кружка с жёлтой шапкой пены, то ли переполненный ночной горшок – теперь Глебу стало понятно, где находится сейфовый зал. Рядом с крестиком обнаружилась нарисованная решётка: что это могло означать, Глеб понятия не имел. Возможно, там хранились сильнодействующие лекарства, за крепкой-то решёткой. А, может, и не хранились... Кто их, сумасшедших аптекарей, знает!

В самом низу плана Глеб увидел сделанную тушью каллиграфически ровную надпись: «Маршрутная карта V-Аптеки. Для служебного пользования». А ещё чуть ниже: «Утверждаю. Лепрекон Хинцельман». И длинная узкая роспись, чёрной стрелой уткнувшаяся в фиолетовую мишень гербовой печати.

– Ничуть не сомневался, – понимающе хмыкнул Глеб. – А то я не знал, что в лекарственном бизнесе сплошь одни Хинцельманы Лепреконовичи да Зильберманы Абрамовичи заправляют... Мафия, понимаешь, – потеряв интерес к надписи, Глеб снял маршрутную карту со стены и, зажав её под мышкой, пошёл на обход аптеки, к двери с табличкой «Вход только для персонала». Проверять, на месте ли особо ценный ночной горшок аптекаря Хинцельмана Лепреконовича.

...Коридор, по которому шёл Глеб, иначе как «катакомбами» назвать было нельзя. Сложенный из тёсаного камня, с низким сводчатым потолком и бездымными факелами на стенах, он более соответствовал какому-нибудь феодальному замку, чем патентованному меди-

цинскому заведению. Голубое пламя факелов, ровное и яркое, наводило на крамольную мысль, что горючим у них служит чистый спирт: впрочем, при таком сдвинутом по фазе аптекаре почему бы и нет? С него станется... Посмотрев на факелы, Глеб с недоумением покачал головой, сказал:

– А компьютер он к костру, что ли, подключает? – и отправился в путь, меланхолично насвистывая себе под нос жизнеутверждающий мотивчик про серенького козлика с бесхозными рожками и ножками.

От основного коридора там и тут ответвлялись узкие коридорчики-ходы, тоже со сводчатыми потолками, каменными стенами и железными дверями меж спиртовых факелов. Глеб, по-хозяйски уверенно, сунулся было в один из тех ходов, но, дойдя до ближайшей двери с надписью: «Лекарства списка А», очень некстати услышал за ней звон цепей и глухие, душераздирающие стоны; пятясь на цыпочках и стараясь не заорать от ужаса, бравый охранник поспешил убратсья из жуткого места.

– Да чтоб я ещё хоть раз в ночные сторожа нанялся? – отдышавшись, невесть кому заявил Глеб. – Нафиг-нафиг, стерегите своих привидений сами! – Он достал из-за пояса спринт-шокер и крадучись пошёл дальше, не проявляя более никакого служебного рвения. То есть не заходя в коридорные дыры и делая вид, что их вообще не существует: если не смотреть опасности в лицо, то её как бы и нету! Очень, между прочим, удобная позиция. Особенно если деваться некуда.

Коридор неоднократно разветвлялся и Глеб, чтобы не заблудиться, то и дело сверялся с картой. Путь казался бесконечным как латиноамериканский телесериал с амнезийными дядюшками и коматозными тётушками; через некоторое время каменный пол ощутимо пошёл под уклон. Судя по плану, где-то здесь, в одном из ответвлений, находился зал с горшком имени гражданина Хинцельмана. Из-за которого, собственно, и было затеяно это дурацкое путешествие по местам всенародного страха – знал бы Глеб, что его здесь ждёт, хрена бы пошёл, просидел бы всю ночь за прилавком, зевая и рисуя слюнями чёртиков на экране монитора. Но что поделать: раз уж решил посмотреть на аптекарскую посудину, то надо закончить начатое, не возвращаться же назад впустую! Хотя, конечно, можно было бы и вернуться... но, откровенно говоря, Глеба и самого заело любопытство, что ж там за горшок такой – знать, очень и очень необычный, если учесть то, что «Лекарства списка А» охраняет цепной призрак. Вообще-то Глеб не верил в призраков, но тут, в подвальной тиши, при беззвучно горящих факелах, не то что в привидений – в окончательную победу марксизма-ленинизма поверишь! В отдельно взятом подземелье...

Сейфовое помещение располагалось в торце недлинного коридорчика, пропустить который Глеб никак не мог – у входа флуоресцентной краской был нарисован приметный красный круг. Стальная дверь с запорным колесом и толстенным бронестеклом смотрового окошка вызывала невольное уважение: именно за подобными дверями, как правило, находятся государственной важности документы с грифом высшей супер-пупер секретности... или уложенные штабелями, до потолка, тугие денежные пачки... или атомный реактор, мечта глобальных бомбистов-террористов.

Или здоровенный, размером с газовую плиту, чугунный горшок – доверху, с горой, заполненный блестящими в свете факелов золотыми монетами.

Глава 2

– Однако, – только и сказал Глеб, в изумлении рассматривая аптекарский горшок через бронестекло. – Круто местные лекарственники живут, ой круто! Пойти и мне, что ль, в лекари-аптекари? Тоже горшочек себе заведу, нехилый... Не, фиг возьмут, у меня лицо не той аптекарской внешности. Не хинцельманской.

Вдоволь налюбовавшись на золото и на всякий случай безуспешно покрутив туда-сюда запорное колесо, Глеб отправился в обратный путь. Сбитый с толку увиденным, он брёл по коридору, рассеянно поглядывая на карту и обдумывая извечную, понятную всем безденежным людям мысль: и откуда только у этих буржуев столько бабок берётся? Как они ухитряются-то? И яхты, понимаешь, и дворцы, и личные самолёты, и счета в банке... И горшки с золотом.

Придя в конце концов к выводу, что дедушка Ленин был ох как прав насчёт раскулачивания всей этой капиталистической сволочи, Глеб внезапно остановился и растерянно огляделся. Только сейчас он обнаружил, что увлёкшись революционными идеями, где-то свернул не туда... вообще неведь куда свернул! И, похоже, напрочь заблудился в лабиринте ходов.

– Это я неудачно зашёл, – сообщил сам себе Глеб, нервно почёсывая в бородачке и сравнивая маршрутную карту с окружающей его действительностью: действительность никак не совпадала с нарисованным... Вернее, совпадать-то она, конечно, совпадала, да, но на каком участке карты и в каком её направлении – понять было невозможно.

– Надо искать какой-нибудь приметный ориентир, – грамотно рассудил парень, – где тут у нас ориентиры? Нету? Ну, тогда пойду дальше, авось чего и найду. – Вытащив на всякий случай из-за пояса спринт-шокер, Глеб отправился куда глаза глядят. То есть вперёд.

Коридор вскоре разветвился и Глеб, заявив, что его дело правое и он всё равно победит, свернул направо – а какая, в сущности, разница, куда идти! Главное, не стоять на месте.

Сколько блуждал Глеб по коридорам, сказать было трудно: часы он принципиально не носил, уверенно считая, что вольным людям эта буржуинская цацка и нафиг не нужна – творческий человек живёт по своим временным законам! Подчиняясь только велениям души и зову желудка.

Кстати, о зове желудка: Глебу опять захотелось есть. Но более всего ему хотелось пить... А лучше всего – выпить! Пивка там, или водочки от стресса... Очень уж нервная работа у охранников, очень. То горшки с золотом, к которому не подступишься, то привидения всякие, то дурацкие лабиринты без указательных знаков, издевательство, честное слово! Но пока не найдётся нужный ориентир, о еде и питье лучше забыть – решил Глеб. Но отчего-то не забывалось...

Ориентир нашёлся внезапно, причём знатный ориентир, можно сказать – радостный. Свернув в очередной коридор, оказавшийся коротким тупиком, Глеб упёрся в железную дверь-решётку. Дверь была заперта на всякий амбарный замок; за решёткой, на высоком стеллаже, располагались самые разнообразные по форме и размерам бутылки. Зелёное стекло заманчиво поблескивало в свете настенных факелов, душевно напоминая собой обстановку винно-водочного магазина: Глеб едва слюной не поперхнулся, представив, какие замечательные напитки находятся перед ним, только руку протяни! Хотя, возможно, это были обычные микстуры от кашля или поноса.

Над дверью висела белая эмалированная табличка с плохо различимой в коридорном сумраке надписью; отступив на шаг, Глеб поднял спринт-шокер повыше и нажал на кнопку. Ярко-голубое свечение дубинки не хуже фонаря высветило чёрные, выполненные готическим шрифтом слова: «Carcer ad spiritum».

– Это по каковски-то написано? – озадачился Глеб, таращась на невразумительную надпись. – Английский, что ли? Ээ... какой-то «каркер», ад и спиритум... бредятина, ей-ей! Нет, чтобы по-русски... всё бы им, медикам-вредителям, над трудовым народом издеваться!... Эге, я понял: спиритум – это ж и впрямь спиртное! То, что надо, – обрадовался парень. – Поди, марочное, коллекционное, не зря же под замком! А то и вообще чистый спирт... Ну и Лепрекон Абрамович, ну и удружил! Молодец, – Глеб выключил спринт-шокер, сунул его за ремень. Потом, вдруг что-то сообразив, с новым интересом глянул на дверь-решётку, на карту, где имелась пиктограмма в виде той решётки, и хлопнул себя по лбу:

– Вот же он, ориентир! Ай да я, ай да каркер спиритум! Сейчас бутылочку прихвачу и на рабочее место, хватит дурака валять, пора и делом заняться. – Глеб прижался к решётке, протянул руку: увы, до заветного стеллажа не хватало всего ничего, сантиметров десять.

– Тю, блин, – в сердцах выругался Глеб, – облом какой! Что же делать-то? Дубинкой, что ль, в какую бутылку потыкать? Нет, упадёт и разобьётся, никакого с того проку... – он закручинился, но ненадолго: когда чего-то очень хочется, даже обезьяна может проявить недюжинную смекалку! Не говоря уже о творческом человеке, у которого душа требует выпить.

– Врёшь, не возьмешь! – прорычал Глеб, выдёргивая ремень из брючных петелек, – и не такие преграды брали! – он бросил спринт-шокер на пол, торопливо продел ремень в его же скобу-застёжку и, вновь прижавшись к решётке, не целясь – куда попадёт, туда и попадёт – накинул самодельное лассо на горлышко одной из бутылок. После чего крайне осторожно стал затягивать петлю. А уж затем рывком сдёргнул бутылку с полки, в полёте поймал её свободной рукой и, счастливый до невозможности, вытащил посудину через ячейку решётки.

– Так-то, – невесть перед кем похвалился Глеб, – знай наших, – устроив ремень на место, парень подхватил дубинку и скоренько отправился в обратный путь, крепко прижимая трофей к груди. Теперь, когда Глеб знал где он находится, никаких проблем с возвращением в зал аптеки не предвиделось. А что до всяких призраков и чертовщины, так какой же русский человек её убоится, коли у него с собой полный флакон выпивки и непреодолимое желание с той выпивкой разобраться! Тут, пожалуй, чертовщине самой надо бояться, прятаться и не шуметь... Во избежание всяческих неприятностей, так сказать.

Аптечное помещение встретило Глеба мёртвой тишиной: ничего здесь за время отсутствия мужественного охранника не изменилось. Всё тот же защитный полог, всё те же головы на стенах, прилавок с кассовым аппаратом и монитором – хозяин аптеки, к счастью, пока не вернулся, а то, небось, было бы крику, увидь он Глеба с добычей!

Повесив маршрутную карту на место, Глеб поставил бутылку на прилавок, вернул спринт-шокер в зажимы и, облегчённо переведя дух – фиг он больше на обход пойдёт, фиг! – пошёл искать стакан и какую-нибудь закуску. Сейчас он накатит по первой, расслабится, а после не торопясь, потихоньку, изучит содержимое чужого портмоне: из-за всей этой свалившейся на него внезапной охранной непонятности Глеб напрочь забыл о найденном... ну, почти найденном, кошельке.

Стакан нашёлся у рукомойника, за одним из шкафов, а закуской послужил надгрызенный чёрствый пряник, обнаруженный под прилавком. Больше ничего съестного в помещении не было, разве что какими микстурами и таблетками попользоваться...

С сомнением оглядев пряник, Глеб на всякий случай ополоснул его под краном и положил на прилавок, сушиться. А после, глотая слюну в предвкушении, взял бутылку и, поднадувшись, хоть и с трудом, но выдернул из неё далеко выступающую длинную пробку.

Пробка выскочила с оглушительным хлопком, не хуже чем из бутылки с тёплым, старательно взболтанным шампанским; из горлышка вырвалось дымное облачко и тут же растаяло. А сама бутылка вместе с пробкой рассыпались зелёным пеплом, который, впрочем, тоже немедленно исчез.

– Офигеть можно! – пробормотал Глеб, ошарашенно рассматривая пустые руки, – что за фокусы, блин! Что за... – он поднял глаза и оторопел ещё больше. Потому что помещение, где он находился, изменилось до неузнаваемости. До дрожи в коленях, до обморочного испуга, до внезапного понимания того, что он, Глеб Матвеев, вот-вот станет таким же безумным как и господин Хинцельман Лепреконович с его страстью к цепным привидениям и чугункам с золотом. Если уже не стал.

Аптечный зал теперь освещала не люстра, а усеянное множеством самосветных грибов тележное колесо, подвешенное на цепи к неровному каменному потолку. Медицинские шкафы превратились в выдолбленные стволы деревьев, растущих из каменного же пола; головы на стенах нынче слепо ворочали глазами, беззвучно раскрывая и закрывая пасти. Монитор на покрышемся мхом прилавке вдруг обратился в хрустальный шар, тлеющий мягким фиолетовым светом; защитный полог налился багровым лавовым заревом. А ещё в стене зала, неподалёку от прилавка, появилась новая, покрытая древесной корой дверь.

Неизменным осталось только четыре вещи: кассовый аппарат, маршрутная карта, ручной мойник и стакан.

Глеб открыл было рот, собираясь заорать дурным голосом, завывать во всю глотку и кинуться прочь, хоть куда, хоть в защитный полог, а там пропади оно всё пропадом, когда кто-то шепнул ему на ухо: «Молчи, дурак! Лепреконе на подходе... Я сейчас тебе помогу», – и тут Глеба отпустило. Нет, вся окружающая его жуть никуда не исчезла, просто Глебу внезапно стало всё безразлично. По барабану стало! Ну, самосветные грибы, ну, головы с глазами... деревья до потолка, хрустальный шар – а и фиг с ними. Не кусаются же.

Глеб не успел удивиться случившейся в нём перемене: в изменившийся аптечный зал, сквозь враз потускневший защитный полог, ввалился Лепреконе Хинцельманович собственной персоной, явно пьяный и в весьма nepотpeбном виде. Мало того, что аптекарь с трудом стоял на ногах, он ещё оказался весь измазан в грязи, словно его черти по болоту таскали; помятая шляпа обвисла полями, а на одной ноге отсутствовал башмак.

– Здравия желаю, господин начальник! – вытянувшись в струнку отчеканил бравый охранник Глеб. – Докладываю: за время моего дежурства никаких происшествий не произошло!

– Ык, – утробно ответил господин начальник, невидяще поводя глазами по сторонам точь-в-точь как его охотничьи трофеи, и осторожно, по стеночке, двинулся к одному из деревьев-шкафов, – молодец... Шас я, ык... погди. – Аптекарь отсыпал трясушей рукой с пяток таблеток из стеклянной колбы, проглотил их не запивая, и мгновенно начал трезветь. Во всяком случае взгляд у Лепреконе Хинцельмановича стал вполне осмысленным.

– Ты вот что, – приказал аптекарь, – ты тут побудь, а я по быстрому себя в порядок приведу, после наши дела и закончим, – Хинцельман скрылся за новой дверью.

Глеб, заинтересовавшись чудо-лекарством, подошёл к шкафу, взял колбу и прочитал написанное на ней чёрным маркером: «Каспарамид». Название отрезвляющего средства было знакомо, где-то Глеб его уже слышал, но поди упомни наверняка за всеми теми лекарственными телерекламами!

– Классный алко-зельцер, – с уважением сказал Глеб, собираясь отсыпать себе пригоршню таблеток про запас, но не успел – господин аптекарь действительно привёл себя в порядок по быстрому. И как он только ухитрился?

В этот раз господин Хинцельман выглядел куда как лучше: зелёная рубашка, алый жилет с громадными пуговицами, зелёные же короткие штаны, длинные голубые чулки и, само собой, башмаки с серебряными пряжками. В общем, нормальный вид городского дурачка, в очередной раз выпущенного из психбольницы на побывку – людей поугаать, себя потешить.

– Как прошло дежурство? – строгим голосом поинтересовался аптекарь, напрочь позабыв недавний доклад Глеба. – Горшок проверяли? Звонки по инфошару были?

– Никаких происшествий не случилось, – повторно отрапортовал Глеб. – По... ээ... инфошару тоже никто не обращался. Так что давайте сто баксов, как договаривались, да я пошёл.

– Лады, – кивнул аптекарь. – Контрольная проверка, и вы свободны. – Глеб замялся, не понимая значения слов «контрольная проверка».

– Руки на шар положите, – подсказал Хинцельман, – вы что, первый раз на дежурстве? Вас должны были проинструктировать.

– Первый, – подтвердил Глеб, торопливо обхватывая хрустальный шар ладонями, – а инструктировали второпях, может, чего и упустили.

– Тем более нужна контрольная проверка, – назидательно сказал аптекарь, – а то всяко по первому разу бывает: случается, и обворовывают охраняемого, по незнанию последствий. Очень, знаете ли, нехороших последствий, – Глеб судорожно сглотнул, вспомнив зря украденную бутылку.

– Что там у нас? – аптекарь уставился в шар, посмотрел туда и парень. В хрустальной сфере поплыл фиолетовый туман, рассеялся, и Глеб увидел в глубине шара себя, только маленького, словно мультипликационного. Вот он ходит по коридорам... вот заглядывает в сейфовое помещение через бронестекло... вот подходит к двери-решётке и... и осмотрев амбарный замок, уходит прочь. Никаких попыток стянуть бутылку со стеллажа мультяшный Глеб, в отличие от реального, предпринимать не стал. И это было, по меньшей мере, удивительно... Нет, не удивительно – поразительно! Причём настолько, что Глеба от неожиданности прошиб пот.

– Тэк-с, – удовлетворённо хмыкнул аптекарь, – порядок. Ладно, претензий нет, – Хинцельман достал из кармана жилетки заранее подготовленную столдолларовую купюру, небрежно протянул её Глебу: – Держите, мы в расчёте. А теперь будьте любезны убраться вон, ко мне скоро важный клиент должен приехать.

– Разумеется, – согласился Глеб, пряча деньги в карман рядом с так и не изученным портмоне: он и сам не собирался задерживаться здесь ни единой лишней минуты.

– Адресную пластинку я верну в охранное агентство завтра, – сообщил аптекарь, с брезгливым видом протирая носовым платком оставленные Глебом на шаре отпечатки ладоней, – сотру с неё магокод доступа на мою улицу и верну. Так своему начальству и скажите.

«Какую пластинку?» – чуть не ляпнул Глеб, но вовремя вспомнил тлеющую бирюзовым светом пластиковую карточку, что обнаружил в кошельке. Ту самую, которая, похоже, непонятным образом и привела его сюда, к аптеке.

– Хорошо, я доложу, – согласился Глеб и не попрощавшись – а чего прощаться, коли дело сделано, оплата получена – вышел из аптеки.

На улице оказалось раннее утро, часов пять, не более: небо, ещё серое, постепенно наливалось синевой и обещало хорошую погоду; прохладный воздух был свеж и вкусен после лекарственных запахов аптеки. Глеб, то и дело оглядываясь на дверь с двумя зелёными светильниками по её бокам, поспешил мимо сырых от росы чугунных фонарей прочь – в ту сторону, откуда прибежал сюда прошлым вечером. Вернее, куда адресная пластинка приволокла.

Трёхэтажные дома смотрели на Глеба узкими окошками, холодно смотрели, равнодушно: за тёмными стёклами плотно закрытых окон не светило ни одного огонька. И, как и вчера, на улице не было ни души.

Глеб поёжился и ускорил шаг – ему здесь не нравилось.

Улица всё тянулась и тянулась, напоминая Глебу бесконечный коридор жуткой аптеки. Вот только никаких ответвлений тут не предвиделось: улица была прямая как траншея газовой магистрали, ни отходящих тебе в сторону улочек, ни двориков, ни скверов, ничего!

Вскоре с левой стороны показались до боли знакомые дверь и два зелёных светильника. Глеб, не веря глазам, обнаружил, что вновь находится возле той же самой аптеки, из которой недавно вышел – уж он-то не спутал бы её ни с какой другой! Далеко обогнув каменные ступеньки, парень припустил бегом; через три минуты дверь и светильники появились вновь. Глеб, затравленно озираясь, побежал дальше...

Аптеку он миновал раз пять, прежде чем окончательно выдохся и, перейдя с бега на шаг, побрёл навстречу неизбежному – на очередное свидание с медицинским логовом имени Лепрекона Хинцельмана, пропади он пропадом вместе со своей аптекой и ста баксами за дежурство!

И только сейчас, немного успокоясь, Глеб услышал тот же самый голос, который вовремя предупредил его о возвращении Лепрекона: голос был тихий-тихий, на грани слышимости. Как будто кто-то из всех сил орал за толстенной стеной – пытался докричаться до Глеба.

– Эй ты, кретин! – возмущался далёкий голос, – и сколько ещё ты собираешься бегать по закольцованной реальности, а? Тебе не надоело? Ты слышишь меня или нет?!

– Слышу, – пробормотал Глеб, останавливаясь и тяжело дыша. – Ты где? Ты кто? – Он осмотрелся, задрал голову: отчего-то Глебу показалось, что голос доносится сверху, с одной из крыш мёртвых домов.

– Ты башку-то опусти, – посоветовал голос, – нечего в небо пялиться, второе пришествие ещё не скоро будет... Кто я, да где я, оно тебе пока без разницы, успеешь узнать. Сваливать тебе отсюда надо, и чем быстрее, тем лучше!

– Согласен, – Глеб облизал пересохшие от бега губы, – а как?

– Легко, – заверил его голос. – Закрой глаза и иди туда, куда я тебе скажу, в точности выполняй мои приказания.

– Вот ещё, – оскорбился Глеб, – да я принципиально ничьих приказаний-указаний не выполняю! Вольный я человек, понимаешь? И вообще, вдруг ты меня в какую ловушку завёдёшь?

– Кретин ты, а не вольный человек, – устало сказал голос. – Кабы я хотел тебе пакость устроить, то не стал бы изменять показания инфошара при контрольной проверке. Да ты и так в ловушке, дурья твоя башка! Выглянет Лепрекон на улицу важного гостя встречать, а тут ты круги нарезаешь... Он же сразу смекнёт, что никакой ты не охранник, а так, козёл с бантиком. И вызовет орков из службы магоохраны!

– За козла ответишь, – твёрдо пообещал Глеб. – Найду – всю морду разобью!

– Ага, прям щас, – развеселился голос. – Закрывай глаза, ты, козёл с бантиком! – Глеб зло плюнул на брусчатку, выматерился и закрыл глаза.

– Прямо, – сказал голос, – прямо, прямо... направо.

– Там же дом, – не утерпел Глеб, – об стенку убьюсь.

– Направо! – категорично потребовал голос, – хватит выкобениваться, жить, что ли, надоело? – Жить Глебу не надоело и он, повернув направо, пошёл, выставив перед собой руки. Но ожидаемой стены перед ним не оказалось: вместо того, чтобы упереться в преграду, парень неожиданно оказался на нормальной, живой улице – это он понял, ещё не успев открыть глаза. Потому что вдруг подул ветерок, громко зачирикали воробьи, вдали зазвенел ранний трамвай, а на Глеба кто-то налетел, едва не сбив его с ног. Налетел, крепко ухватил за руку и рывкнул чуть ли не в ухо, дыша перегаром и чесноком:

– Мы этого козла ждём, или не этого? – Глеб открыл глаза.

Улочку Глеб знал – узенькая, с односторонним трамвайным движением, тихая, со старыми двухэтажными домиками и скамеечками возле подъездов – она находилась далеко от центра города. И как именно Глеб ухитрился оказаться в этих краях, он понятия не имел. Не иначе последствия беготни по закольцованной реальности...

Рядом с Глебом, нехорошо ухмыляясь, высился здоровенный мужик в чёрном костюме, при белой рубашке, чёрном галстуке и чёрных же туфлях – мрачный, в общем, тип. Мужик держал парня за руку железной хваткой, не вырваться, не убежать; ещё один такой же мрачный тип – с заплывшим от удара левым глазом, – стоял напротив Глеба возле чёрной иномарки, уперев руки в бока и сверля парня взглядом.словно из ружья в него целился, прищурившись.

Морда одноглазого показалась Глебу на удивление знакомой, но где он её видел, вспомнить так и не смог. Ежели бы не подбитый глаз, тогда, может, и опознал бы.

– За козла ответишь, – автоматически вякнул Глеб, чем вызвал гомерический хохот обоих чернокостюнных: что их так рассмешило, Глеб не понял, но на душе вдруг стало погано. Парень оглянулся, на всякий случай ища путь к отступлению – увы, за спиной находился кирпичный забор с колючей проволокой поверху и бежать однозначно было некуда.

– Ну и как тебе ночное дежурство в VIP-аптеке Лепрекона? – отсмеявшись, вкрадчиво поинтересовался тип с подбитым глазом. – Думаю, не скучно было, а? Золотишко не пытался стырить, нет? Зря, надо было попробовать. Или лекарства какие позаимствовать... Там, козлик ты наш, ой какие лекарства есть, о которых ты и слыхом не слыхивал! Эх, впустую ты туда прогулялся, впустую... Ну-ка, Вася, пошарь у него в карманах, авось мой бумажник отыщется. – И тут Глеб вспомнил, где видел одноглазого: у ресторана «Ёлки-палки»! Когда тот руками-ногами махал.

Вася, не церемонясь, обшарил карманы Глебы, вытащив оттуда не только бумажник, но и честно заработанные сто баксов, и даже мелочь всю выгреб, не побрезговал, зараза... Одноглазый заглянул в портмоне, убедился, что всё на месте, вложил туда трудовой заработок Глеба, захлопнул кошелек и сунул его в карман пиджака.

– А где адресная пластинка? Ключ от зачарованной аптекарской улицы – где? – поинтересовался одноглазый, равнодушно поинтересовался, для проформы.

– Лепреконе забрал, – мрачно ответил Глеб. – А вы кто такие?

– Много будешь знать, скоро в астрал уйдёшь, – загоготал Вася. – Слушай, Петруха, а давай его здесь меморнем, а? Ну в самом деле, ещё домой к нему тащиться, обыск делать... Чего там, раз – и всё, – Глеб заорал во весь голос и попробовал вырваться из захвата, даже укусить Васю за руку попытался. Однако Вася кусать себя не дозволил: поймал Глеба за бородёнку, задрал ему голову повыше, в таком положении и зафиксировал – ни ойкнуть, ни выругаться. Глеб невольно уставился поверх иномарки в раскрытые окна дома напротив: в окнах маячили заинтересованные лица, с любопытством ожидая развития уличного скандала. Петруха тоже заметил ненужных свидетелей, хотя и был временно одноглаз.

– В машину, – коротко приказал он, и Глеб, как ни упирался, через десяток секунд оказался на заднем сидении иномарки, придавленный к спинке железной васиной рукой. Машина рванула с места, запетляла по улочкам, пробираясь к ближайшей магистрали.

– Адрес свой назови, – потребовал Петруха, поглядывая на Глеба в зеркальце заднего обзора. И тут Глеб с ужасом обнаружил, что изображение в зеркальце несколько отличается от оригинала: отражённая морда одноглазого была серого бетонного цвета и в частых бородавках. А единственный глаз – ярко-красный, как у покалеченного Терминатора. Наверняка и сосед Глеба, ежели посмотреть на него через зеркальце, выглядел ничуть не лучше. А то и хуже.

– Не скажу! – обнаглев от страха, внезапно заявил Глеб. – Собрались убивать, так убивайте здесь!

– Идея, конечно, хорошая, – подумав, согласился одноглазый, – да прав у нас на это нет... Мы ж не какие-нибудь там гоблины-беспредельщики, мы на государственной службе. Орки мы!

– Рассказывай ему, рассказывай, ага, – недовольно засопел Вася, – и охота тебе время на болтовню тратить! Всё равно через полчаса ничего помнить не будет.

– Уж лучше болтать, чем драться, – невпопад ответил Петруха, с недовольным видом потрогав распухший глаз. – Если б ты, Васятка, вчера не стал задираться, ничего б и не было... И портмоне я не потерял бы, с кодовой карточкой. И дурика этого у гостевого выхода не пришлось бы ждать.

– Сам виноват, – буркнул Васятка, – не стоило меня заводить. Договорились ведь, что лепреконовский горшок пополам, значит, пополам. А то покатили какие-то гнилые расклады с процентами, выяснения, кто больше разработкой дела занимался... Я, может, три года ждал, когда Лепреконе в нашу контору обратится! Три года в подчинении дурака-начальника – это, знаешь ли, перебор.

– Тихо! – оборвал его одноглазый, – нашлась, понимаешь, умная птица говорун. Думай, чего и при ком говоришь!

– А он всё равно у нас скоро беспамятным станет, – ехидно напомнил Вася, – чего ж и не потолковать-то на важную тему? О том, как ты, Петя, лоханулся.

– Ты, гнида, адрес давай! – свирепея, прорычал серорожий Петя онемевшему от услышанного Глебу. – Шутки закончились! Если сейчас не ответишь, то...

– Да назови ты им свой адрес, – прошелестел у ушах Глеба знакомый голос, – они ведь тебя всего изуечат, а своего добьются! Орки, одно слово... Говори, не бойся. Целее будешь, – Глеб и назвал.

Иномарка подъехала к глебову подъезду с шиком, едва ли не на полной скорости, затормозив аккуратно возле ступенек подъезда. Старухи на подъездной лавочке чуть не вывихнули шеи, высматривая, кто ж такой именитый к ним с утра пораньше прибыл – может, свадьба? Всё ж таки Первое Мая, самое время для бракосочетания... Того и гляди, водки удастся выклянчить, или денег с земли насобирать. Или ещё чем полезным для пенсионного здоровья поживиться.

Однако когда из машины выбрались два чернокостюмных «шкафа», причём один с заплаканным глазом, второй со зверской ухмылкой на физиономии, и между ними поникший Глеб – старух как ветром сдуло. Только забытые кульки да вязания на лавочке остались.

В пассажирский лифт троика, разумеется, не вместились, а грузового в старой девятиэтажке не было в целях плановой экономии образца семидесятых годов. Потому и пришлось им топтать пешком до пятого этажа, где Глеб снимал комнату, идти, пугая своим видом кутивших на площадках редких жильцов. К несчастью, хозяин квартиры всё ещё болтался где-то в загуле и помочь Глебу было некому – хотя бы «караул!» хором покричать, что ли...

Заперев Глеба в туалете, Вася и Петя по профессиональному быстро перерыли мягкие вещи в шкафах, особо не церемонясь – что пошвыряли на пол, что комом запихали на место; отодвинули от стен всю мебель, даже с телевизора корпус сняли, не поленились. Когда Глеба выпустили из туалетной одиночки, квартира походила на только что заселённую – когда мебель и прочее барахло в неё занесли, а расставить-разложить не удосужились, сразу сели отмечать новоселье.

– Прямо как в тридцать седьмом, – ностальгически сказал Петя, разглядывая учинённый ими погром. – Помнишь, да? Весёлое время было, светлое... Молодые мы тогда ещё были, с идеалами. Старались!

– Да уж, – равнодушно ответил Вася, выковыривая из-под ногтей грязь, – сейчас тоже ничего. Жить можно, – он кивнул в сторону Глеба: – Запомни ему память на минус сутки да пойдём. Ничего у этого лоха нету... Случайный человечек. Козьявка, – развернулся и ушёл прочь из квартиры, захлопнув дверь.

– Ну-с, дурилка ты картонная, – Петя достал из нагрудного кармана чёрные очки, нацепил их на нос и стал выглядеть куда как солиднее с невидимым теперь подбитым глазом, –

считай, легко отделался, – с этими словами он поднял руку. Глеб успел заметить зажатое в ней нечто, похожее на длинную гаванскую сигару: в глаза ему пыхнул ослепительно белый свет и Глеб потерял сознание.

Глебу приснился очень странный сон.

Вообще-то все сны есть вещь странная и наукой до сих пор толком не объяснённая: откуда они, почему, и, главное для чего? Зачем, скажем, обычному бухгалтеру мелкооптовой закупочной конторы снится, что он – воин персидского царя Аншана Куруш, в латах, остроконечном шлеме и ярком полосатом плаще, плечом к плечу сотоварищами сражающийся с варварами урало-алтайских племён? А, скажем, крутому бизнесмену с финансовым оборотом порядка сотни миллионов долларов в год, мужику с десятком любовниц – что он маленькая девочка, танцующая на сцене в лучах софитов, полная невероятного восторга? И если первый сон можно рассказать в курилке друзьям, посмеиваясь и с удовольствием вспоминая детали, то второй никогда и никому не будет рассказан, хотя останется в памяти на всю жизнь.

А вещие сны? Кладёзь информации, если уметь их правильно расшифровывать и применять к действительности: множество гениальных открытий было сделано именно во снах, как и множество верных предсказаний или философских откровений. Тех, которые порой меняли историю человечества.

Хотя, скажем прямо, подобные сны бывают весьма не часто, иначе бы все граждане Земли, поголовно, уже давным-давно забросили б всякую работу и дрыхли круглыми сутками в ожидании биржевых подсказок, умственного просветления и прихода нирваны как таковой.

У большинства же людей сновидения ни о чём, пустые, не оставляющие после себя никаких впечатлений, так себе сны – отвалился в кровати положенное количество времени, проснулся по будильнику и пошёл на службу, деньги зарабатывать. К числу этих людей относился и Глеб: снов он почти никогда не видел, а если и видел чего, то в памяти наутро оставались лишь короткие, ничего не значащие обрывки. И потому Глеб никакого интереса ни к снам, ни к их толкованию не испытывал.

Однако в этот раз сон его был ярок, красочен и, можно сказать, вещественен. Даже запахи ощущались!

А снилось Глебу Матвееву вот что: будто мчится он бестелесным духом в громадном туннеле с радужно переливающимися, полупрозрачными стенами. Мчится с невероятной, запредельной скоростью; за стенами видны звёзды на чёрном фоне, много-много звёзд – и красных, и жёлтых, и белых, и голубых, прям-таки калейдоскопическое месиво! И всё это разноцветное крошево находится в постоянном движении, словно кто-то безостановочно крутит и крутит тот звёздный калейдоскоп, не в силах оторваться от захватывающего зрелища.

Туннель оказался извилистый, приходилось всё время контролировать своё движение, чтобы ненароком не вылететь за эфемерную стену; что там, за радужной плёнкой, Глеб не знал, но подозревал, что ничего хорошего.

Лететь было тяжело, потому что Глеб тащил с собой добычу. Где она находилась, в каком месте, оставалось непонятно – вроде бы внутри него: ведь ни рук, ни ног у духа нет... головы, верно, тоже нет, однако ж чем-то думается! Но этот вопрос интересовал Глеба сейчас меньше всего – за ним шла погоня. Серьёзная, неотступная, смертельно опасная... Заранее подготовленные ловушки преследователи миновали шутя, словно и не замечая их; отходные лазейки-каналы, предварительно исследованные и помеченные маячками, исчезали, едва Глеб к ним приближался... А погоня всё ближе и ближе: Глеб чувствовал спиной – или что там у него нынче – усиливающийся ледяной холод. К тому же весьма некстати очнулась

добыча: она *активизировалась* и в ужасе стала рваться наружу, стуча призрачными кулачками в призрачную же сущность Глеба.

Туннель впереди неожиданно сузился и превратился в тупик – подобного Глеб никак не ожидал! Сильны, сильны охранники мага Савелия, знаний и умения не занимать... молодцы, сказал бы он им, если б смотрел на происходящее со стороны. И если бы дело не касалось именно его, Хитника... тьфу, Глеба! Нда-а, жаль, что всё получилось несколько не так, как задумывалось – очень уж помирать неохота. А иного варианта охранники ему не предоставят.

И тут Глебу повезло.

Какой-то хак, явно начинающий, глупый и беспечный, вломился в заблокированный изнутри глебов менто-туннель, пробив его снаружи варварски тупым заклинанием – может, посмотреть хотел, что тут происходит, может, сам от кого-то удирал, кто знает! Но он, хак, оказался не в том месте и не в то время: Глеб швырнул его в сторону преследователей, а сам нырнул в затягивающуюся лазейку. Позади раздался истошный визг умирающего хака и злобный вой преследователей, обнаруживших, что вкус добычи не тот; вход позади Глеба затянулся радужным маревом. Последнее, что услышал Глеб, был хоровой рёв десятка глоток: «Ты покойник, Хитник! Ты покой...»

С запоздалым сожалением Глеб понял, от кого удирал хак: навстречу ему мчался запаковывающий демон – рогатый, многолапый, плюющийся мраком – стандартный магоохранник крупного учреждения, скорее всего какого-нибудь банка. Оборонительных заклинаний у Хитника не осталось, по пути все растратил, ну да чёрт с ними... уж лучше побыть вечно другой запакованным с возможностью восстановления, чем утратить свою сущность навсегда. Как тот несчастный хак.

Больше Глеб ничего подумать не успел: демон поглотил его.

И запаковал.

Глава 3

Башка трещала будто с перепоя.

Глеб сел, продрал глаза, осмотрелся: разгромленная квартира походила на место затяжной массовой пьянки с не менее затяжным дебошем. И очевидная необходимость предстоящей уборки никакого энтузиазма у Глеба не вызвала.

– Орки проклятые, – вставая и потирая затылок, зло сказал Глеб. – Уроды! Мне что же, самому теперь порядок наводить, а? Ограбили, напакостили, в глаза каким-то лазером пыхнули, – и только тут сообразил, что знать о произошедшем он вроде бы не должен. Ему же... это, как его... на минус сутки память стёрли. Или не стёрли?

Во всяком случае, Глеб прекрасно помнил всё, что с ним недавно случилось. Но полной уверенности в том, что это произошло на самом деле, у Глеба не было: может, он палёной водкой с хозяином квартиры до беспамятки надрался? И они на пару домашнее хулиганство с беспорядками учудили... были уже прецеденты, были. А лепреконе с горшком золота и серомордые васи-пети всего лишь похмельный бред – чего только спьяну не приснится! Вот, снилось же, что он, Глеб, удирает по туннелю от кого-то, да ведь как правдоподобно снилось, до сих пор мурашки по спине бегают... Хотя, скорее всего, он её попросту отлежал. Ухитрился.

Кряхтя и почёсывая спину, куда только можно дотянуться, Глеб побрёл сначала в туалет, а после в ванную. Умывшись по-зимнему ледяной водой – горячей, разумеется, не было – Глеб принялся чистить зубы, разглядывая своё отражение в грязном зеркале над краном. На предмет синяков, царапин и прочих загульных последствий. Как ни странно, физиономия была в порядке, да и ощущение похмелья практически исчезло: жизнь явно налаживалась! Ещё поскорее бы забыть тот бред, что ему приснился, и тогда станет вообще хорошо...

– Ну и рожа, – с отвращением сказал знакомый Глебу голос, – ну и харя... Как ты с такой-то мордой по улицам ходишь? Эта козлиная борода, эти патлы, тьфу! Бомж, натурально бомж... слушай, а ты случаем не вшивый, а? Педикулёзом не болеешь? – у Глеба затряслись руки, он уронил зубную щётку в раковину и тихонько завыл: кошмар продолжался.

– Чур меня, чур, – простонал Глеб, пятясь от зеркала и истово крестясь, – опять всё тот же сон! Изыди, призрак! Вон, глюк! Вон!

– Нечего выть, – раздражённо произнёс голос. – Коли вляпался в историю, будь любезен смотреть правде в глаза. Нынче я – твоя правда! Вот и получай чего заслужил. Во-первых всё, что с тобой случилось – не сон. Во-вторых, я – не призрак. А в-третьих, тебе надо сваливать с хаты, засвеченная она... Орки в любое время могут вернуться, чтобы проверить, стёртая у тебя память или нет. А то и прибить на всякий случай, ежели им в башку такая блажь придёт, с них станется! Учти, я не всесильный – память тебе сберёг, но от физического воздействия вряд ли смогу защитить.

– Да кто ты такой, блин? – завопил Глеб, вылетая из ванной и затравленно оглядываясь по сторонам, – где ты? Хватит в прятки играть! Что за партизанские дела?!

– Стоять! – командирски рявкнул голос, – молчать! Тпру, кому говорю! – Глеб от неожиданности и остановился, замер, испуганно втянув голову в плечи.

– Так-то лучше, – пробурчал голос. – Значит, отвечаю по пунктам: сейчас я – нечто необозначенное и нематериальное... ээ... типа святого духа, чтоб тебе понятнее было. Более того: я вынужденно слит с твоей сущностью, не полностью и не навсегда, но слит. Грубо говоря, насильно вплетён в твоё менто-поле... ну, как бы стал на время частью твоего «я». Понятно?

– Ы... э... о, – только и ответил Глеб, пытаясь унять дрожь в коленках. – Ну-у... не-а.

– Ох, какая же мука растолковывать профану очевидное, – горестно вздохнул голос. – И надо ж было, чтоб меня освободил не кто-нибудь из своих, из понимающих, а какой-то *обычник*... причём не из лучших. Тупой, нестриженный и небритый.

– За *обычника* ответишь! – окрысился Глеб, приходя в себя. – Сам такой! – Что означало это слово, Глеб не знал, но презрительная интонация не оставляла сомнений в том, что его только что намеренно оскорбили.

– Хе-хе, – развеселился голос, – а шиш тебе! Я-то к *обычникам* не отношусь, да и бриться-стричься мне, духу, ни к чему. А вот тебе надо.

– Зачем? – обречённо спросил Глеб: эхма, раз наехала конкретная шиза, то никуда от неё не деться. Проще соглашаться, чем спорить... Да и то, какой смысл с собственным бредом ругаться?

– Сменить имидж, – пояснил голос. – Чтоб на нормального человека похож стал. Нам... тебе предстоит сделать много дел!

– А иди ты, – вяло огрызнулся Глеб и подошёл к окну, глянуть, чего нынче в мире творится, день сейчас или уже вечер. А то невесть сколько в отключке пролежал...

На улице был день. Пасмурный, с мелким дождиком: серая пелена затянула небо над стоявшими напротив многоэтажками; внизу, по идущей мимо дома трассе, сновали машины, мокрые и блестящие. Улица вроде бы выглядела как обычно... почти как обычно. Но что-то всё же было не так. И здорово «не так».

Глеб пригляделся и ему опять стало дурно. Потому что в небе, над крышами многоэтажек, шло не менее интенсивное, чем на трассе внизу, движение: были там и ведьмы на мётлах, в жёлтых дождевых плащах, и ковры-самолёты с установленными на них по сырой погоде туристическими палатками; стройными рядами, выдерживая необходимую дистанцию, летели чёрные гробы с мигающими красным поворотными сигналами. Особняком, сторонясь транспортного потока, по воздушным обочинам пробирались небесные пешеходы с зонтиками, обутые кто в сапоги-ботфорты, кто в домашние тапки устрашающих размеров. Пешеходный народ спешил по своим делам, не обращая внимание на город под их ногами.

– Блин, каюк, – слабо произнёс Глеб, пятясь от окна на полусогнутых. – В психушку мне пора... в нашу мозгоправную больничку. Может, откачают, а? – с надеждой спросил он сам себя.

– Мда-а, – протянул голос. – Вижу, по нормальному с тобой нельзя... Тогда так: хочешь заработать десять тысяч баксов?

– Хочу, конечно, – малость оживился Глеб. – Но откуда у тебя, галлюцинации, могут быть деньги? Разве что придуманные, глючные.

– Хватит считать меня галлюцинацией! – взорвался голос. – Я – самая настоящая реальность, данная тебе в ощущениях и точка.

– А те? – Глеб, не смея подходить к окну, махнул в его сторону рукой. – Те тоже реальность?

– Однозначно, – отрезал невидимый собеседник. – Так как наши ментальные поля частично слились, ты получил возможность видеть мир таким, какой он есть на самом деле, а не какой он видится *обычникам*. Радуйся, дурак, предоставленной возможности! Будет потом чего вспомнить, когда я от тебя уйду.

– Уйдёшь? – обрадовался Глеб, – а когда?

– Когда, когда, – недовольно передразнил его голос. – Когда поможешь мне, тогда и свалю куда подальше. Думаешь, приятно быть всё время привязанным к лоху с козлиной бородой?

– За козла... – начал было привычное Глеб, однако голос перебил его:

– Десять тысяч баксов, усёк? Но сначала побриться, подстричься и переодеться! Приобрести нормальный, цивильный вид – тебе придётся общаться с серьёзными людьми. А

серьёзные люди бомжей не жалуют, уж поверь мне... Остальные инструкции потом, по выполнению первого задания.

– А фиг тебе, – в никуда показал Глеб кукиш, – у меня денег нету!

– Будут, не сомневайся, – заверил его собеседник. – Первым делом найдём дежурный банкомат и я тебя обналичу. Баксов пятьсот на первоначальные расходы, надеюсь, нам хватит.

– Уже и «нам», – возмутился Глеб. – Тоже мне, компаньон нашёлся! И откуда ты на мою голову свалился? Звал я тебя, что ли?

– Нечего было чужие кошельки воровать, – ехидно заметил собеседник. – И всякие случайные бутылки раскупоривать... хотя, конечно, спасибо. Не то пролежал бы я запакованным невесть сколько лет. Да, кстати! А какой нынче год?

– Запакованным? – переспросил Глеб: ему немедленно вспомнился подозрительно яркий сон. – Слышь, гражданин невидимый, а ты случаем не Хитник?

– Ого, – изумлённо пробормотал голос, – ну и дела... Ты откуда моё имя-то знаешь, оборванец?

– Оттуда, – ухмыльнулся Глеб. – Во сне увидел. А год нынче у нас две тысячи пятый, первое мая, если уж точно. Праздник! Народ водку пьёт, а я тут глюки ловлю, причём совершенно задаром. – Лукавил Глеб, ох и лукавил! Не считал он больше происходящее с ним бредом – как о десяти тысячах баксах услышал, так и перестал душевно мучаться. Ну, изменилась малость реальность, и что? Деньги всё равно остались деньгами. И если этот невидимый хрен с бугра действительно отстегнёт ему, Глебу, *настоящие* пятьсот долларов, то, стало быть, и с десятью тысячами не обманет. Есть перспективы, есть!

– Ага, – на время умолк Хитник, что-то подсчитывая. – Значит, я был запакован тринадцать месяцев... Что ж, неплохо! Могло быть и хуже. Ладно, бери с собой всё необходимое и пошли: назад ты больше не вернёшься, нельзя тебе здесь появляться – орки рано или поздно заметут!

– Чего мне брать-то, кроме документов, – отмахнулся Глеб. – Ни черта у меня ценного нет, одна гитара, да и то сплошные дрова. Новую себе куплю!

– И то дело, – одобрил решение Глеба Хитник. – Пошли, чувырла, деньги получать да в нормального пипла тебя переделывать. – Хотел было Глеб опять возмутиться и потребовать за «чувырлу» ответа, да вовремя передумал: зачем богатого спонсора нервировать, пусть и невидимого? Вовсе ненужное развлечение.

А есть ли тот спонсор на самом деле, или это одна лишь глючная фикция – баксы покажут!

И Глеб с лёгким сердцем покинул разгромленную квартиру, однако дверь на всякий случай запер, а ключи сунул под коврик: вдруг возвращаться придётся? Всяко ведь может статься. Кто их, Хитников, знает...

На улице было промозгло: Глеб поднял воротник джинсовой куртки, сунул руки в карманы и неспешной походкой направился в сторону известного ему районного сбербанка. Мелкий дождь неприятно студил лицо, каплями стекал по длинной шевелюре – куртка вскоре стала тяжёлой и сырой, но Глеб не обращал внимания на погодные трудности. Пятьсот баксов, подумать только! Хорошая сумма, приятная. Вот только бриться и стричься не хотелось: грустно превращаться из творческой личности в стандартного бизнес-болванчика, вон их сколько по улице шастает... Но с учётом возможного десятитысячного заработка визит в парикмахерскую казался сущей ерундой.

Глеб шёл, поглядывая по сторонам и стараясь ничем не выдавать своего удивления: многие прохожие, оказывается, были вовсе не людьми! Вернее, не теми, кем они показались бы Глебу раньше, до знакомства с Хитником. До его внедрения в глебову ментальную сущность.

Вот, скажем, идёт навстречу гражданин, спешит с озабоченным видом – деловой костюм, пластиковая папка под мышкой, в глазах целеустремлённость – а глаза-то громадные, жёлтые, с вертикальными зрачками! Волосы рыжей щёткой и остроконечные волосатые уши... Или глебова бабка-конкурент, роющаяся в мусорной урне в поисках бутылок: бомжиха как бомжиха, старая и горбатая, но если внимательно приглядеться, то и не горб у неё вовсе, а сложенные кожистые крылья. Или, например, идущая навстречу симпатичная дама с собачкой на поводке – ан и не собачка то, а нечто с сердитым человеческим личиком, туловищем льва, подрезанными крылышками и скорпионьим хвостиком; на хвостике железный стакан-чехольчик, чтоб, значит, не ужалила кого ненароком. Карликовая мантикора, несомненно!

– Славная у вас собачулька, – не удержался Глеб от похвалы. Дама улыбнулась, показав два длинных тонких клыка, кивнула согласно и, сказав: «Маня, не балуй!», пошла дальше – «собачулька» уже приноровилась пометить Глеба, задрав на него ножку.

На дороге тоже было интересно: между привычных автомобилей нет-нет, да и оказывалось нечто, не вписывающееся в повседневную городскую жизнь. То блестящая позолотой карета с хрустальными окнами и впряжённой в неё цугом шестёркой вороных, то механический паук с никелированными суставчатыми ногами и кабинкой вместо тела. То просто одинокий всадник – но истлевший, в белом саване, верхом на таком же истлевшем коне и с начищенной косой в руке, упёртой древком в кожаную стопу на манер копья – ожидающий, когда на светофоре загорится зелёный сигнал. Глеб, разинув рот, уставился на бледного всадника: скелет медленно повернул в его сторону череп, погрозил длинным пальцем, мол, не тарашся почём зря, иди своей дорогой – Глеб и припустил прочь, забыв и о сбербанке, и о пятистах баксах, и о своих парикмахерских волнениях.

Остановился Глеб лишь когда вбежал в парк. Хотя и испугали его, но всё же направление он выдержал – сбербанк находился по другую сторону парка, всего сотню метров пройти осталось.

Парк, в отличие от городского имени писателя М. Горького, был небольшим, заброшенным. Бродить по нему в ночное время крайне не рекомендовалось, всякое тут могло случиться, потому даже в дневную пору здесь, как правило, гуляли одни лишь собачники со своими гавкучими питомцами.

– Верной дорогой идёшь, товарищ! – подал голос Хитник, – мы уже почти на месте. Сверни-ка направо... видишь вон то корявое дерево с дуплом? Нам туда.

– Погоди, а как же банкомат? – расстроился Глеб. – А деньги – как?

– Так мы ж за деньгами и идём, – рассмеялся Хитник. – Или ты думал, что на свете существуют лишь электронные ящики, придуманные людьми? Из которых хаки то и дело воруют бабки и обнуляют чужие счета? Хе, больно надо! Есть конторы и посерьёзнее, – какие именно, Хитник уточнять не стал. А Глеб расспрашивать не захотел, да и по барабану оно ему было – главное ведь не от «кого» получать, а «что» получать! И сколько.

– Любое городское дерево с дуплом и есть банкомат, – помолчав, снизошёл до пояснений Хитник. – И почтово-пересылочный ящик заодно. Смотри, какой вводный адрес задашь, тем оно и станет.

– Круто, – уважительно сказал Глеб, встав на цыпочки и осматривая дупло. Похоже, там когда-то жила белка: дно устилали сгнившие листья и мелкая скорлупа от орехов. Ни тайных кнопочек, ни колдовских рун, ни какого-нибудь мерцающего портала, ничего! Как Хитник собирался раздобыть из этой дыры деньги, Глеб понятия не имел.

– Значит так, – словно откликнувшись на его мысли, сообщил Хитник, – стучишь по стволу дерева определённым образом, я скажу, каким. А после говоришь, сколько налички и в какой валюте тебе нужно. Советую брать в рублях, чтоб не возиться с обменом. Да и курс в магобанке получше, чем в вашем, обычниковском. Давай, выстукивай сначала ввод-

ный адрес, а после мой личный пароль! Итак, начали: три коротких, пауза, пять длинных, два коротких, один длинный, пауза... – Глеб послушно принялся стучать по стволу кулаком, с опаской поглядывая по сторонам – вдруг заметят, что он делает, и вызовут бригаду псих-помощи? Но никому в парке не было до Глеба никакого дела: собачники занимались выгулом «друзей человека», а случайные прохожие не обращали на парня внимания: ну, стоит шизик, ну, стучит по дереву... Да мало ли их нынче, ненормальных-то? Не пишет прилюдно и ладно.

– Давай, говори, – наконец приказал Хитник. Глеб, пожав плечами, произнёс в дупло шёпотом:

– Хочу получить пятьсот баксов в рублях по текущему курсу, – в дупле громко ухнуло, Глеб вовремя отскочил в сторону: из дыры в стволе вылетела толстая пачка денег, перехваченная жёлтой резинкой, и упала на землю. Парень, нервно хихикая, огляделся – не видел ли кто? – подобрал пачку, не пересчитывая сунул её в карман и, чуть ли не бегом, отправился прочь из парка. А то ещё ограбят среди бела дня, запросто!

В модельной, класса «люкс» парикмахерской Глеба встретили как дорогого гостя, едва ли коньяком с порога не угостили. Работали здесь, судя по прозрачным крылышкам за спиной, одни лишь феи, и потому Глеб без опаски сел в кресло: феи абы как не подстригут! И побреют без порезов. Не армейские, поди, цирюльники, а дамы с опытом, вкусом и пониманием... Результат превзошёл все ожидания – из зеркала на Глеба смотрел вполне преуспевающий молодой человек, чем-то неуловимо похожий на актёра Абдулова в молодости; как ни странно, но увиденное Глебу понравилось. Единственное, что портило впечатление, это нынешняя его одежда, сырая, мягкая и сильно поношенная. Впрочем, и с одежной проблемой Глеб вскоре управился, хотя и жалко было расставаться с привычными шмотками: выйдя из вещевого супермаркета, переодетый с ног до головы во всё новое, Глеб швырнул ком старья в ближайший мусорный бак – пускай теперь кто другой его обноски примеряет!

Да, жизнь, несомненно, удалась: расправив плечи и задрав нос, Глеб шёл по улице – в свежей рубашке, в расстёгнутой до пупа новой куртке и приличных брюках, матово блестящих туфлях и, главное, с кожаной кепкой на мёрзнувшей без длинных волос голове. Встречные дамы обращали на Глеба внимание, что, разумеется, было ему хоть и непривычно, но приятно.

– С начальным заданием ты справился успешно, – одобрил Хитник, – молодец, не стыдно и в люди выйти. А теперь надобно тебе поехать в одну квартирку на окраине города и посмотреть, что там и как... меня, в общем, повидать.

– Не понял, – растерялся Глеб. – Тебя? Но ты же тут, со мной!

– Тело моё проведать, – нехотя ответил Хитник. – Глянуть, что с ним. А то есть у меня неприятное предчувствие... ну да ладно. Приедем – увидим. Во всяком случае, будь готов к чему угодно, – Глеб поёжился, вспомнив рёв десяток глоток из своего сна: «Ты покойник, Хитник!»

Перекусив по пути в недорогой забегаловке (заходить в ресторан Глеб поостерёгся, не привычен он был к ресторанам, да и деньги надо было тратить экономно, мало их осталось), парень направился по указанному Хитником адресу.

Квартирка, о которой говорил Хитник, находилась в дорогом жилищном комплексе, возведённом и сданном в эксплуатацию года три тому назад. Насколько знал Глеб, квартиры в том комплексе стоили немереных денег: двадцатизэтажная постройка, похожая на европейский дворец, была видна издалека, чуть ли не из центра города. Говорили, что в этом здании можно прожить всю жизнь, не выходя на улицу, мол, там есть всё! Начиная от яслей и заканчивая похоронной конторой, не говоря уж о ресторанах, кинотеатре, магазинах, нотариусах, опорном пункте охранно-милицейской службы и всякого прочего, по мелочам.

Перед дворцом простиралось широкое озеро, специально созданное подрядчиками то ли для красоты, то ли с какой практической целью, Глеб не знал. Сейчас озеро было подёрнуто мелкой дождевой рябью: на берегу, неподалёку от центрального входа, веселился местный денежный народ – праздник ведь! Типа весны и капиталистического бизнес-труда. Дымились мангалы, гремела музыка, раскладные столы с закусками и выпивкой протянулись длинной конвейерной лентой как кормораздатчик на птицеферме. Некоторые бизнесмены, уже достаточно приняв на грудь для согрева, храбро лезли голышом в непереносимо холодную воду, таща за собой упирающихся бизнесвумен; женский визг зачастую перекрывал грохот музыкальных колонок.

– Вот же буржуи, – с чувством сказал Глеб, отслеживая купание в холодных майских водах, – гуляют, жируют... Кровоеды! – он гордо прошёл мимо замёрзших до икоты буржуйных кровоедов в стеклянный подъезд.

В просторном холле, высоком, с зеркальными стенами и шестью лифтовыми дверями в дальней стене, за длинной стойкой со следящими мониторами сидел охранник в чёрной форме. Ещё один – с дубинкой на поясе и пистолетом в открытой кобуре – прогуливался по холлу, тоскливо поглядывая сквозь стеклянную стену на улицу: видимо, ему тоже хотелось женского общения и шашлыков под дождём. Заметив Глеба, охранники в ожидании усталились на него, но что теперь надо было делать, парень не знал.

– Подойди к охраннику за стойкой, – принялся инструктировать Хитник, – предъяви ему паспорт и скажи, что ты приехал по поручению жильца квартиры номер триста восемьдесят шесть, Иванова Петра Сидоровича. Ещё скажи, что ты его племянник и он поручил тебе проверить состояние квартиры, типа сделать в ней генеральную уборку – мол, дядя приезжает на днях из длительной загранкомандировки и желает, чтобы в ней был полный порядок. Вредный дядя, занудный, местным горничным совершенно не доверяет. – Глеб так и сделал.

Охранник внимательно изучил паспорт, нахмурился, увидев в нём временную прописку, с подозрением оглядел Глеба, однако ж ничего компрометирующего не высмотрел – не зря, ох и не зря тот побрился-постригся да в обновки переоделся! Пощёлкав по лежащей перед ним клавиатуре и введя данные паспорта в компьютер, охранник требовательно произнёс:

– Наберите индивидуальный код доступа господина Иванова в жилищный комплекс. Вы, как родственник, должны его знать, – и указал на вмонтированный в стойку, аккуратно перед Глебом, огрызок компьютерной клавиатуры с цифрами. Хитник подсказал семизначное число; охранник бросил взгляд на один из мониторов, кивнул неохотно:

– Проходите, – но никаких ключей Глебу не выдал. И как пройти к квартире номер триста восемьдесят шесть подсказывать не стал. Наверное, само собой подразумевалось, что у «племянника» есть свои ключи, да и дорогу знает, раз пришёл уборку делать. Глеб хотел было спросить: «А ключи?», но Хитник, предупреждая ненужный вопрос, заторопил парня:

– Пошли-пошли! У меня замок особый, на месте подскажу как открыть, – Глеб закрыл рот, повернулся и направился к лифтам.

Нужная Хитнику квартира располагалась на шестнадцатом этаже.

Глеб вышел из лифта, прошёл по широкому коридору, застланному от стены до стены чёрным ковролином – весьма аскетически оформленному коридору, надо сказать. Ни тебе пальм в кадках, ни картин на мраморных стенах, ни бассейна с декоративным фонтаном, ни кожаных диванчиков для отдыха: Глеб ожидал чего-нибудь эдакого, роскошного – за такие-то деньжищи! – но обстановка более напоминала стандартно-офисную, чем жилую.

Глеб миновал несколько высоких дверей, с виду непрочных, пластиковых, остановился напротив очередной и глянул на металлические цифры: триста восемьдесят шесть. И наконец задал вопрос, который давно вертелся у него на языке:

– Как без ключа открывать-то будем? Ногой по ней шарахнуть, да? – Хитник рассмеялся.

– Ну нет, братец, тут и кувалда не поможет – дверь знатная, бронированная! Замок видишь? – Глеб согласно угукнул, разглядывая никелированный кругляш на двери. Кругляш был цельный, без какого-либо отверстия под ключ. – Приложи к нему руку: замок должен среагировать на моё ментальное поле. Надеюсь, что должен, – погрузнев, уточнил Хитник. Глеб прижал к холодному кругляшу ладонь и невольно задумался: а что делать, если замок не откроется? Никакой ведь слесарь не поможет... Хотя, наверное, есть специалисты, из числа населяющих город нелюдей. Вон, орки-охранники и феи-парикмахерши имеются, отчего же не быть какому-нибудь гному-медвежатнику?

Внутри замка отчётливо звякнуло и дверь немного отошла вглубь. Глеб, вспомнив слова Хитника о «неприятном предчувствии», отдернул руку от кругляша и замер в нерешительности – входить в квартиру было страшновато.

– Сработало! – обрадовался Хитник, – заходи, чего мурку тянешь, – Глеб, тяжело вздохнув, толкнул рукой тяжёлую дверь.

Квартира господина Иванова была по местным меркам убогая и недорогая. Так себе квартирка, для одинокого холостяка – всего три комнаты, не считая коридора-прихожей, просторной кухни, двух туалетов и ванны с душевой кабинкой.

Всё ещё включённые в прихожей потолочные светильники бросали матовый свет на грязный, замусоренный всяческим хламом пол. Словно здесь никто и не жил.

– Последняя дверь по коридору, направо, – подсказал Хитник, – в остальные можешь не заглядывать, полный бардак и никакой культуры. Одни банки из-под пива. – Глеб, пугаясь мёртвой тишины, на цыпочках прошёл к дальней комнате и потихоньку, чтобы не скрипнули петли, открыл дверь. Открыл и чуть не завопил от ужаса: зрелище было ещё то, явно не для людей со слабыми нервами.

– Опаньки, – удручённо пробормотал Хитник, – вон оно как... Ну-с, что-то в этом роде я и предполагал.

За массивным столом, в багровом полумраке, возложив руки на два огненно-красных шара, в высоком кресле сидело человеческое тело без головы. В шарах выюжно кружились золотые искры, тело стеклянно поблескивало отражённым красным светом. А над обрубком шеи, в ритме спокойно бьющегося сердца, мерцало голубое облачко.

– Ми... милицию вызывать надо, – заикаясь от испуга, сказал Глеб. – Уб... убийство же, ёлы-палы! Башку-то, небось, саблей – вжик! Или топором.

– Никакой милиции не надо, – отрезал Хитник, – какая тут, к чёрту, милиция! Тем более, что там через одного орки да гоблины, разворуют здесь всё подряд, а тело в морг скинут, больно надо им со всякими хаками возиться. Да и не мёртвое оно, тело... Можно сказать, законсервированное. А если его отсюда вынести, тогда да, тогда полный каюк ему... то есть мне, настанет.

– С кем возиться? – Глеб, услышав, что тело не мёртвое, немного успокоился. Хотя всё равно радости мало: а вдруг оно, законсервированное, поднимется сейчас из кресла и пойдёт к Глебу, протягивая к нему трясущиеся руки и стеная загробным голосом: «Отдай, отдай мою голову!» Впрочем, как можно стенать без той головы, Глеб понятия не имел, но подозревал, что – можно. Всё у них, нелюдей, не по-человечески...

– С хаком, – терпеливо повторил Хитник. – Маго-хаком. Специальность у меня такая, специфическая, законом сурово не поощряемая. Взламываю через ментальные каналы всякую маго-фигню и забираю то, что требуется заказчику.

– А! – внезапно поняв, воскликнул Глеб, – въехал я! Ты типа компьютерного хакера, да? Приблизительно.

– Ну-у... – задумчиво протянул Хитник, – можно сказать и так. Но именно что «типа». Очень-очень «типа» и очень-очень «приблизительно». – Глеб призадумался, вспоминая, что же он знает о тех хакерах: а знал он только почерпнутое в фантастических книжках и фильмах. Судя по ним, быть хакером – это круто! Мастдай, пиво, вирусы, ограбленные втихую банки и всякое прочее, не менее интересное.

В компьютерах Глеб не разбирался абсолютно.

– Ты в комнатку-то войди и свет включи, а то окно здесь для пользы дела фанерой заколочено, – потребовал Хитник. – Не бойсь, не укусят, – он сардонически захохотал. Глеб, нервно хихикая, переступил порог, нащупал на стене выключатель и нажал его. Вверху, высветив голые стены, зажглась лампочка с самодельным бумажным фунтиком вместо абажура: да уж, назвать эту комнату уютной смог бы только человек с воображением таракана.

Кроме стола с красными шарами, кресла и тела в нём, в комнате находилась раскладушка, застланная толстым одеялом, а также множество пустых банок из-под пива, разбросанных по полу где придётся. Глеб, расшвыривая банки ногами, подошёл к креслу, остановился сбоку и принялся с опаской разглядывать «это» – называть безголового «Хитником» у него язык не поворачивался. Даже в мыслях.

Безголовый оказался одет в недорогой, китайского пошива спортивный костюм; судя по рукам, возложенным на огненные шары, господин Иванов (он же Хитник, он же магохакер, он же дух бестелесный) был человеком молодым. Если, конечно, вообще был человеком.

Сквозь голубое облачко, что мерцало над обрубком шеи, просматривался идеально ровный срез, свежий, не запёкшийся. Каким хирургическим инструментом можно сделать подобную операцию, Глеб не знал; на страшной ране стеклянno поблескивала плёнка, точно такая же, что покрывала и всё обезглавленное тело.

– Ага, ясенько, – угрюмо сказал Хитник, – понятненько.

– Что – ясенько-понятненько? – забеспокоился Глеб. – Давай, объясняй. Я ведь тоже в этом деле заинтересованный!

– Чего тут объяснять, – вздохнул Хитник, – сам видишь: спёрли мою голову, отделили, так сказать, от тулова... Магически спёрли. Она, голова, с моим телом по-прежнему связана, но находится сейчас невесть где. Скорей всего, в чьём-нибудь сейфе лежит. А стеклянное покрытие – это, братец, особое защитное магополе, чтоб, значит, с телом ничего не случилось, до поры, до времени... Гм, надо же, магополе! Интересно, кто так расстарался и обо мне позаботился?

– А поле зачем? Чтобы пролежней не было? – вспомнив виденные когда-то в детстве медицинские телепередачи, где в основном рассказывали о вреде пьянства, курения и случайных половых связях, поинтересовался Глеб.

– И пролежней тоже, – согласился Хитник. – Меня... то есть его... ну, тело, в общем, сейчас и танковым снарядам не повредишь! Даже при выстреле в упор.

– Класс! – восхитился Глеб: осмелев, он прикоснулся к блестящей плёнке на плече безголового – на ощупь плёнка была холодной и скользкой, будто намыленное стекло. – Оффигенная кольчужка! С такой и банк грабить не страшно... Вот бы её мне! На всякий случай.

– Грабят банки, как правило, или дураки или бездари, – скучным голосом ответил Хитник. – Умные люди зарабатывают деньги иными способами, менее опасными. А что до кольчужки – да, она от всего защищает, верно. Но и шевельнуться тебе не позволит, будешь стоять в ней как истукан... невинный, хе-хе, истукан. Ну-ка, отодвинь кресло в сторону, – Глеб, поднатужившись, оттащил кресло от стола: тело осталось сидеть в нём с поднятыми руками, словно они по-прежнему лежали на колдовских шарах.

– Вот тебе наглядный пример, – заметил Хитник. – Одно слово – статуя! Какое уж тут ограбление банка...

– Жаль, – с искренним сожалением ответил Глеб, – такая гениальная идея на корню сдохла!

– Ещё один грабитель нашёлся, – сварливо произнёс Хитник, – гений-налётчик, блин; детский сад, штаны на лямках! Можно подумать, ты первый до этого додумался... Нет, товарищ Глеб, ничего у тебя не выйдет, выкинь дурь из головы и займись делом.

– Каким? – полюбопытствовал Глеб, наклонившись над столом и заглядывая в ближний к нему огненный шар: от яростной круговерти золотых искр у парня тут же закружилась голова и заслезились глаза – он отшатнулся, едва не упав.

– Кончай пялиться в работающий инфошар! – рявкнул Хитник, – отвали от стола куда подальше! Не хватало ещё тебе, дураку, в ментаканал сознанием провалиться... Пошли отсюда на кухню, там и подскажу, каким.

– А поточнее можно? – Глеб, утирая глаза ладонью, направился к выходу из комнаты.

– Пиво у меня там в холодильнике, – пояснил Хитник. – Холодное, вкусное. Много! И еды от пуза, ешь – не хочу.

– Что ж ты раньше молчал, – обрадовался Глеб. – С такими делами я очень люблю разбираться, – и потрусил на кухню.

Глава 4

Холодильник был здоровенный, с Глеба высотой, и под завязку набит продуктами. В основном – консервами, галетами и упаковками баночного пива. Как ни странно, кухня имела вполне пристойный вид, то есть не была замусорена как остальные комнаты: эмалированная мойка, стол с выдвижным ящиком, пара разномастных табуретов, шкафчик с небольшим количеством кружек-тарелок и железная дверца мусоропровода в стене. Видимо, потому и пустых банок под ногами не валялось, коли мусоропровод под рукой.

Положив куртку и кепку на табурет, Глеб достал из холодильника упаковку с пивом, выдернул из неё длинную банку, откупорил и, потягивая колючий напиток, подошёл к окну.

В большом, на полстены, окне открывался великолепный обзор на город – видно было далеко, чуть ли не до самых окраин. Дождь недавно прекратился, небо там и тут начало просветляться, открывая вечернюю синь; над дальними окраинными многоэтажками выглянуло оранжевое солнце – город заблестел мокрыми крышами.

Воздушно-транспортного движения над центром города было почти не видно, лишь тонкие серые ручейки текли в вышине, над теми блестящими крышами. Глеб решил открыть окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха, уже взялся за ручку, но в этот момент за стеклом объявился некий юный гражданин в ученическом костюмчике, в круглых очках и верхом на метле, вынырнул откуда-то снизу и завис на месте – явно с нехорошей целью завис! Потому что в одной руке у него был молоток, а в другой – пустой рюкзак. Воровато оглядевшись по сторонам, юный гражданин подлетел к окну кухни и, не обращая внимания на Глеба, в упор смотревшего на него, взял да и шарахнул молотком по оконному стеклу. Стекло басовито загудело, за окном полыхнуло синим; Глеб на секунду прикрыл глаза, а когда открыл, то за стеклом уже никого не было. Одна лишь обгорелая метла покачивалась, да и та повисела немного и полетела вниз, оставляя в воздухе дымный след.

– Это кто такой был? Зачем? – удивился Глеб, провожая метлу взглядом. – И полыхнуло отчего?

– Да фиг его знает, кто был, – равнодушно ответил Хитник. – Летают тут всякие... Мало, ох и мало внимания уделяют некоторые родители воспитанию своих детей! Вот и вырастают из них отбросы общества, бандиты на метле. А полыхнула моя личная магозащита от подобных наглых воришек: сгорит один-другой, глядишь, остальные сюда и не полезут. Слухи, они быстро распространяются!

– Круто, – одобрил Глеб. – А что милиция? Она у вас есть? Ну, у колдовских существ.

– Имеется, – раздражённо ответил Хитник, – только ей дела нет до рядовых жителей, пока их или не ограбят, или не убьют. Она, понимаешь, деньги в поте лица добывает, а не всякой ерундой занимается! Как видишь, закон джунглей един для всех, хоть для нас, *магиков*, хоть для обычных: каждый сам за себя! Как хочешь, так и спасайся. Потому-то у меня в окнах и стоят поляризованные бронестёкла с громобойной защитой.

– Эге, вон почему тот пацан меня не увидел! А то б наверняка удрал и не погорел бы как станция «Мир» над океаном, – догадался Глеб, хлебнул пивка, отошёл от окна и сел за стол, консервами ужинать: тушёнка да бычки в томате. Что в холодильнике первым под руку попало.

– Поляризация необходима, – буркнул Хитник, – особенно при моей работе. Зря я, что ли, окно в рабочем кабинете заколотил... есть, понимаешь, умельцы, которые и через поляризацию ухитряются подглядывать. Папарацци хреновы!

– Ты настолько известен? – удивился Глеб, ковыряя вилкой в банке с тушёнкой. – Репортеры абы к кому не полезут.

– Известен, не известен, – уклонился от ответа Хитник, – не в том дело! Они, подглядывающие, меня просто бесят – нарушают моё законное право на частную жизнь. А в окна, между прочим, не только репортёры в поисках жареных фактов заглядывают, но и всякие извращенцы-вуайеристы или хулиганы вроде сегодняшнего очкарика. Или ментовские сыщики в фуражках-невидимках. Хватает любопытствующих, мать их!

– Ну да, – согласился Глеб, запивая бычков в томате очередной банкой пива, – эти мерзавцы, дай им волю... эх, был бы у меня бинокль, я бы тоже в соседские окна заглядывал, – невпопад сказал он. – Интересно ведь! Жалко, что нету. – Хитник зло фыркнул и Глеб сообразил, что сморозил глупость.

– Слушай, я вот чего у тебя спросить хотел, – быстро сменил тему разговора парень, – а как ты в аптеке Хинцельмана оказался? В смысле, запакованный. Там, в подвале, был закуток с решёткой и бутылками за ней, а над закутком что-то про «ад» и «спирт» говорилось... я ж потому тебя оттуда и выудил. Вернее, бутылку с тобой. Думал, что марочное вино, или медицинский спирт. Аптека ведь, как-никак!

– Учиться надо было вовремя, а не стеклотару на помойках собирать, – заметил, остывая, Хитник. – Мудрец, эхма! Ад, спирт... понагородил чёрт-те чего. Это ж по латыни написано!

– Вот и поясни, грамотей, – обиделся Глеб. – Мне твоя латынь нафиг не нужна, я и без неё самобытен до крайности. И вообще пускай на твоей латыни всякие медики пишут-читают, а творческому человеку она за ненужностью. Я и так умный!

– Был бы умный, не бедствовал бы, – проворчал Хитник. – Слушай сюда, творческий ты наш: над закутком, как ты его назвал, было написано «Карцер ад спиритум», что означает «Тюрьма для духа». Стандартное хранилище для отловленных и запакованных демон-магоохранником всяческих хаков-нарушителей. Как правило, имеется при любом крупном учреждении где есть чем поживиться – уж я-то знаю! Меня, кстати, в ту лепреконовскую аптеку случайно занесло, чтоб ты знал.

– Ээ... не понял, – озабочился Глеб. – То есть, в общем, всё понятно, я о другом: а что становится с телами тех запакованных нарушителей? Они ж, получается, без своего «я» натурально в растения превращаются, в коматозников...

– Превращаются, – подтвердил Хитник. – Но это их личная проблема. Кто-то, скажем, загоя оплачивает страховку на такой случай, за кем-то родственники доглядывают или заказчики, по договоренности, – а в случае долгого хранения тела опять же используется защитное магополе. Но это очень, очень дорогое удовольствие...

Обычно перед серьёзным делом *продвинутый* маго-хак оставляет у своего адвоката запечатанный конверт с адресом, куда и к кому он направился – чтобы в случае чего можно было выкупить его дух у того, кого он собирался ломануть. Бывает, что владельцы пойманного хак-духа соглашаются взять откупные, особенно если деньги приличные.

А кто-то надеется на авось и остаётся без тела. Как я в этот раз. Но на то были особые причины...

– И что с ними происходит, когда их на волю отпускают? – Глеб, не обратив внимания на последние слова Хитника, открыл следующую банку пива. – С бестелесными духами? Им же, вроде, возвращаться-то некуда.

– Редко кто из «тюремщиков» даёт запакованным вольную, но такое и впрямь случается, да. Под настроение. А в основном хаки освобождаются после смерти владельца учреждения с «тюрьмой», когда его запаковочный демон рассеивается... Про призраков и полтергейст слышал? – мрачно спросил Хитник. – Или про бесноватых обычников, в которых будто бы дьявол вселился? – Глеб от неожиданности поперхнулся пивом, закашлялся. – То же, – сказал Хитник и надолго умолк.

Глеб через силу доел остатки тушёнки, чего ж добру пропадать-то, добил упаковку пива – с трудом, мучаясь, но добил – и крепко осоловел от съеденного-выпитого. Да и денёк, надо сказать, ещё тот выдался, столько впечатлений! Не мудрено, что Глеб устал до невозможности.

– Я, наверное, баиньки пойду, – заплетающимся языком произнёс он, – отъезжаю чего-то... Где у тебя отдохнуть можно? Чур, только не на раскладушке, мне там спать кошмарно будет, наверняка сны жуткие замучают.

– Иди в большую комнату, – подсказал Хитник, – там гостевой диван имеется. А на бардак не обращай внимания, я после дружеской вечеринки прибраться не успел... Надо же, посиделки аж год тому назад были, а у меня такое впечатление, что только вчера гуляли! В запакованном состоянии время быстро проходит, беспмятно... Эй-эй, ты входную дверь-то запер? – всполошился Хитник, но Глеб, не слыша его и едва не засыпая на ходу, вошёл в просторную комнату. Голые стены, громобойное окно, разобранный диван; круглый столик возле дивана – с грязными рюмками, засохшими объедками на одноразовых тарелочках и с полдюжины пустых бутылок у ножек, – Глеб добрёл до дивана, еле-еле снял туфли и рухнул спать.

Никаких снов Глебу в этот раз не снилось. А, может, и снилось чего, да только он не запомнил, потому что проснулся резко, сразу, от боли в шее и нехватки воздуха – его, Глеба, душили. Причём душили молча, громко сопя от усердия, тяжело навалившись сверху и елозя по лицу жёсткой, как ёршик, бородой. Глеб с испугу принялся молотить кулаками по голове душителя, рванулся в сторону и упал с дивана, подмяв под себя бородача. Тот, похоже, знатно приложился затылком об лежащие возле столика бутылки: раздался треск лопнувшего стекла и хватка на шее Глеба ослабла.

– Гад! – завопил Глеб вскакивая, – сволочь! – и, не разбираясь в полумраке кто перед ним, принялся избивать лежащего ногами. Но бить без туфлей, понятное дело, очень неудобно и неэффективно, того и гляди сам покалечишься: сильно ушибив палец обо что-то твёрдое, Глеб взвыл и запрыгал на одной ноге. А после рухнул на пол, обхватив ушибленную ногу руками и с ненавистью глядя на «гада-сволочь». Тот, в свою очередь, сел и молча уставился на Глеба.

Судя по беззвёздной небесной темноте и половинке тусклой луны за окном, нынче была глубокая ночь. Часа два или три пополуночи, самое время для душегубных дел! Света из коридора вполне хватало, чтобы рассмотреть неожиданного визитёра: роста тот оказался небольшого, в плечах широк, коротко стрижен и аккуратно бородат, с маленькими глазками над носом-картошкой. Чем-то ночной гость напоминал боевого гнома, невесть для чего подстригшегося и потерявшего где-то свою любимую секиру... Иначе бы не душил, а чикнул по шее с размаху острым лезвием и был бы теперь Глеб как гражданин Хитник в соседней комнате. Безголовый.

Одет коротышка оказался по-простому, без затей: чёрный свитер, серые джинсы и белые кроссовки. Возможно, одежда была несколько другого цвета, но поди разберись в полумраке!

– Ты кто? – прохрипел Глеб, одной рукой растирая шею, а другой разминая отшибленный палец. – погоди, вот немного передохну и так тебе навалю, зараза!

– Сам зараза, – быстро ответил коротышка, с озабоченным видом ощупывая затылок. – Палач! Мерзавец! А ну говори, палач-мерзавец, куда подевал голову зачарованного тобой Хитника? Куда башку моего друга спрятал, а?! Вссс... – коротышка вздрогнул, поморщился. – Ох и шишку ты мне набил! Ну ничего, я тоже в себя приду и покажу тебе, где орки зимуют... Драться будем бутылками, за неимением дубин. До смерти! Ну или хотя бы до утра.

– Пошёл ты, – огрызнулся Глеб, неудачно потянул себя за палец и тоже зашипел от боли.

– Так. Что здесь происходит? – раздался сонный голос Хитника. – А, гном Федул, какой сюрприз! Глеб, ты его не обижай. Он... – Глеб не дослушал Хитника, ткнул обвиняюще в сторону душителя рукой, произнёс срывающимся голосом:

– Сволочь ты, гном Федул! Не разобрался, что к чему, и сразу душить кинулся! Не трогал я Хитника, не тро...

– Не смей меня называть гномом! – взъярился Федул, – я – эльф! Только маленький, потому что в детстве не докармливали, понял? Эльф я! И точка.

– Опс, – Глеб умолк, потрясённый: он представлял себе эльфов несколько иными. Несколько покрасивее, что ли... и уж, во всяком случае, однозначно безбородыми.

– ...Он малость чокнутый, – закончил фразу Хитник. – Славный малый, но упорно считает себя эльфом. Поэтому на эту тему с ним лучше не разговаривать – вспылит и убьёт, с него станется!

– Да он меня и так чуть не убил, – откашлявшись, недовольно проворчал Глеб. – Сонного придушить хотел.

– Ты с кем разговариваешь? – насторожился гномоэльф, – кто тут ещё прячется? Твой подельник, тоже колдун-расчленитель? Скажи, чтобы выходил, я его сейчас жизни лишать буду.

– Сам ты расчленитель, – возмутился Глеб. – С Хитником я разговариваю, понял? Он теперь во мне менто... ээ... ментально обитает! Его год тому назад запаковали, а я вчера случайно освободил, вот мы и пришли сюда посмотреть, что к чему. Потом я пива напился и уснул.

– Ы! – озадачился гном, ничуть не удивившись сказанному Глебом. – Ты уверен, что в тебе именно Хитник, а не какой другой хак?

– Увереннее некуда, – вздохнул Глеб. – Он мне и денег дал, и код доступа в здание сообщил. Замок на двери открыл, чего ж ещё?

– Это не доказательство, – почёсывая в бороде, буркнул Федул. – Мастер-хак и не такое проделать может, тоже мне, проблема – код доступа нечувствительно узнать или колдовской замок мента-отмычкой вскрыть... Коли он Хитник, то пусть скажет, что мы тут вытворяли на прошлой вечеринке, год назад! – Хитник, посмеиваясь, сказал, Глеб неудержимо захихикал.

– Ну? – заинтересовался Федул, – чего веселишься?

– Да вот, представил себе, как вы в стельку пьяные гоняете по коридору красные инфошары, а вместо кеглей у вас четыре голых ведьмы, тоже никакие... уржаться можно! – и Глеб захохотал в полный голос.

– Хитник, брателло! – расцвёл гном, – Друган! Живой! Дай-ка я тебя расцелую, – он на коленях просеменил к Глебу и обнял его так, что у парня заныли рёбра: – Не укатили хака крутые запаковки! – Федул, щекоча бородой, звучно чмокнул Глеба в щёку: от гнома ощутимо пахло водкой.

– Эй, отстань, – Глеб с трудом вырвался из дружеских объятий, – потом хака-другана целовать будешь, когда он в своё тело вернётся! Я-то здесь причём?

– И то верно, – согласился гном, сплюнул в сторону и вытер губы рукавом. – Чего-то я от радости увлёкся. Ладно, ты меня уже знаешь, Хитник представил, а тебя-то как зовут?

– Глеб, – поднимаясь на ноги, сказал парень. – Ты откуда здесь взялся?

– Дверь не заперта была, вот и взялся, – рассеянно ответил гном, тоже вставая. – Мы тут на девятом этаже компанией гуляли, я и зашёл на всякий случай другана проведать, а то чёрт-те сколько о нём ни слуху, ни духу! Квартира-то всё ещё за Хитником числится, оплата с расчётного счёта автоматически поступает, я проверял... Говоришь, пиво у тебя есть? Ну, угости, я не против.

Пиво стало очень кстати: всё ж Федул крепко придушил Глеба, в глотке драло как от ангины. Может, и не стоило пить холодное, того и гляди горло после эдакого усиленного массажа простудишь, но Глебу было всё равно, очень уж жажда замучила.

– Давай, рассказывай, – потребовал гном, бесцеремонно сбросив вещи Глеба с табурета в угол кухни и по-хозяйски устраиваясь за столом, – как ты до жизни такой докатился?

– Я кошелек с адресной пластинкой возле ресторана нашёл, – пояснил Глеб, – а после...

– Да не тебя я спрашиваю, а Хитника! – с досадой воскликнул Федул, – пусть он говорит, а ты как диктор из телеящика его слова озвучивай, большего от тебя и не требуется. Ах да! Ещё пива давай, – гном стукнул по столу кулаком.

– Хамло ты, Федул, – с горечью сказал Глеб и полез в холодильник за упаковкой.

После пары-другой глотков Глебу заметно полегчало, он прокашлялся и понял, что горло у него больше не болит. Гном тоже подлечился, изнутри и снаружи – первым делом выдул залпом пол-литра пива, а затем приложил неоткупоренную запотевшую банку к макушке, вместо ледяного компресса. Судя по его довольному виду, пивное лечение пошло Федулу на пользу.

– Итак, брателло Хитник, – рыгнув, изрёк гном, – валяй, говори кто тебя в запаковку уделал-то? Кого ты настолько крутого ломануть собирался, а?

– Мага Савелия я ломал, – нехотя ответил Хитник, а Глеб как попугай повторил его слова, деваться было некуда: раз уж взялся за роль переводчика с ментального на русский, то будь любезен озвучивать как положено. Тем более, что кроме Глеба сделать этого попросту было некому.

– Ух ты, – гном в изумлении едва не выронил банку-компресс, – И как?

– Сломал, – коротко ответил Хитник. – Но охранники Савелия взяли меня в серьёзный оборот, еле ноги унёс... Там какой-то дурень в мой канал ввалился, я его вместо себя савельевым ищейкам подставил. – Гном понимающе ухмыльнулся, отнял банку от головы, дёрнул кольцо – нагревшееся пиво выползло пенной шапкой – и выпил до дна, не отрываясь.

– А после я на лепреконовского демона нарвался, – с сожалением признался Хитник. – Тот дурень как раз от него удирал. И, значит, получился взаимозачёт: тот за меня погиб, а я за него сел. О как бывает-то! – Глеб тоже выпил пива, в горле пересохло, и продолжил:

– Ты, Федул, смотри об том никому не болтай, – строго предупредил Хитник, – видел, что с моим телом стало? – гном угукнул, вытирая пену с бороды. – Не хочу, чтоб и тебя взяли в оборот... Теперь вот ломаю – ха-ха! – голову, кто ж меня укоротил: савельевы слуги или заказчики?

– Я, грешным делом, подумал сначала, что тебя этот хмырь уделал, – Федул подмигнул Глебу, тот в ответ показал ему кулак. А потом оттопырил средний палец; гном усмехнулся и показал в ответ два – крыть Глебу было нечем.

– А что – Савелий? – осторожно спросил Федул, – он как?

– При мне, – непонятно Глебу ответил Хитник. – Я же профессионал!

– Мнээ... А, может, нырнёшь в тело? – рассматривая стоявшую перед ним пустую банку как нечто увлекательное и интересное, нейтральным голосом полубопытствовал гном, – на секундочку? Осмотреться, понять где твоя голова и назад.

– Они того лишь и ждут, – уверенно ответил Хитник. – Заблокируют меня и выпотрошат – мама не горюй! Что савельевы ребята, что заказчики: я ж в контрактный срок не уложился, чего им со мной церемониться!

– Эт-точно, – нахмурясь, согласился гном и со злостью смял банку, сжав её в кулаке.

– Эй, мужики, вы об чём толкуете, а? – спросил Глеб, отвлекаясь от перевода, – я тут как попка-дурак тружусь, а мне никто ничего объяснить не хочет! Кто такой этот Савелий, что за заказчики и вообще – вы чего делать собираетесь? Не век же мне с Хитником в обнимку жить-то!

– Не век, – кровожадно улыбаясь, сказал Федул. – Хитник, давай-ка мы сущность этого хмыря в астрал к чертям собачьим выкинем, а ты его тело займёшь? Раз всё равно уже в нём сидишь. – О маге Савелии гном не сказал ни слова. То ли забыл, то ли не посчитал нужным.

– Но-но! – отчаянно запротестовал Глеб, – я вам не мусор какой, чтоб меня выбрасывать! У меня конституционное право на существование, вон и паспорт государственный есть, личный... – Глеб с испугу полез в карман брюк за документами, но Хитник остановил его:

– Брось, Федул пошутил. Впрочем, если бы была подобная возможность, я бы ею уже давно воспользовался, – спокойно добавил Хитник и Глеб поёжился от его слов.

– Утихомирься, – подал голос Федул. – Если ты до сих пор не в астрале, значит, не подходишь брателле Хитнику, своим биополем и ментальным планом ему не соответствуешь. Типа полная несовместимость тела и духа, с возможным отторжением последнего. Радуйся и не дребезжи до поры, до времени!... Я вот чего думаю, Хитник: надо или нам двоим выручать твою голову, или искать подходящего донора, в которого ты переселишься, – решил гном. – Гы, искать! Кому я это говорю! Ты ж наверняка заранее для подобных форс-мажорных обстоятельств соответствующее тело себе приглядел, так?

– Приглядел, – не стал отнекиваться Хитник. – Даже пару. Но давно, года два тому назад... Мало ли что с тех пор могло произойти! Я собирался поутру отправиться на твои поиски, но ты и сам вовремя появился, молодец. Пошли, с инфошарами поработаешь – глянем в официальном канале, что с телами. А то с моего обычника какой прок? – последнюю фразу Глеб озвучивать не стал.

Захватив с кухни табуретки, Глеб и Федул отправились в дальнюю комнатку. Парень, идя следом за гномом, угрюмо размышлял о том, что он, Глеб, вляпался по самое нельзя: то, что Хитник и Федул хаки, мента-взломщики, его не беспокоило – каждый зарабатывает на жизнь как может. Но возможность того, что в итоге могут пострадать ни в чём не повинные люди, Глеба очень и очень смущала. Ведь, по сути дела, готовилось самое настоящее убийство! А как иначе назвать захват чужого тела с окончательным выбрасыванием духа бывшего владельца в астрал...

– Чего пригорюнился? – насмешливо спросил Хитник, – небось решил, что мы убить кого-то собрались, да? Ну ты даёшь!

– Эй, ты уже и мои мысли читаешь? – ошетинился Глеб. – Совсем расхозяйничался, блин, скоро за меня решать будешь, когда и чего мне делать? А вот не дождёшься! Я – сам себе голова.

– У тебя не голова, а ведро пустое, – повысил голос Хитник, – ни хрена не знаешь, не понимаешь, но быстро и решительно делаешь глобальные выводы. Из тебя, братец, получился бы отличный государственный деятель, несомненно! – Хитник коротко хохотнул, посерьёзней. – Мысли твои я не читаю, но общее эмоциональное состояние ощущаю, куда ж деваться... Никто никого убивать не собирается: тело донора мне нужно только для того, чтобы выручить своё собственное! Я ведь ничего толком не могу сделать, пока болтаюсь при тебе как собачонка на привязи – ни с хак-инфошарами поработать, ни заклинания применить, ничего! На время мне донор нужен, понимаешь? А как только я верну своё тело, так сразу же освобожу донорское и восстановлю из астрала его духовную составляющую. Тем более, что обычники мне не подходят, работать можно только с магами... с ведьмами да колдунами. Усёк?

– Усёк, – воспрянул духом Глеб. – Магики можешь обрабатывать хоть пачками, мне за людей обидно было!

– Да ты, я вижу, конкретный шовинист, – насмешливо сказал Хитник, на том разьяснительная беседа и закончилась.

Пока Глеб толковал с Хитником, Федул сгрёб ногой банки из-под пива под раскладушку, отодвинул кресло с безголовым в дальний угол и уселся на табурете перед огненно-красными шарами. Деловито потирая ладошки, гном спросил:

– Ну-с, кого сперва искать будем? – Глеб сел рядом, сообщил:

– Девица Авдотья, двадцать девять лет, ведьма. Проживает... – Глеб назвал совершенно незнакомый ему адрес – видимо, из тайной, закрытой для обычных части города – и уставился на огненные шары: пляшущие в них золотые искры завораживали, притягивали взгляд. Казалось, ещё чуть-чуть, и Глеб увидит в мельтешении огоньков нечто удивительное, важное, отчего вся его жизнь изменится кардинально и навсегда...

Крепкий подзатыльник вернул парня к действительности.

– В шары не глядеть! – свирепо произнёс гном, вновь сядя на табурет и вытирая ладонь о свитер. – Замагичешься сознанием в астрал, и что мне тогда делать? Чёрт с тобой, но брателло Хитник! У тебя очки есть? – Федул мельком глянул на шары. – Хочешь любоваться – любуйся, но через стёкла.

Глеб вспомнил о тёмных очках – тех, что он надевал, когда играл на гитаре в подземных переходах – достал их из нагрудного кармана рубашки и нацепил на нос. Шары враз стали гораздо тусклее, но зато теперь золотые искры в них воспринимались обыденно и неинтересно: ну, искры, ну, мельтешат. Взгляд колдовские огоньки больше не притягивали.

– Говоришь, девица Авдотья? – переспросил гном, скабрёзно ухмыляясь. – Хе-хе, в этом что-то есть! Гм, любопытно, а что женщины чувствуют в некоторые... ээ... особые моменты своей личной жизни? Узнаешь – расскажешь? – Федул ехидно засмеялся. Хитник выругался, а Глеб с удовольствием его озвучил, кое-что добавив от себя – в отместку за подзатыльник.

– Всё, хватит лаяться, – поскукнел гном, – приступаю к работе, – и положил руки на инфошары. В тот же миг золотые искры метнулись вверх, к ладоням Федула; между шарами с сухим треском проскочила фиолетовая молния и в комнате неожиданно запахло сиренью.

– Есть контакт, – довольным голосом сказал Хитник, – у меня запаховой сигнализатор входа в систему... Ага, вот и экран, – на стене, напротив Федула, возник зелёный квадрат: большой, не менее чем метр на метр; по экрану пробежала рябь тёмных помех и тут же появилось изображение – цветное, объёмное.

Девица Авдотья более не была девицей. На фоне здания со всё объясняющей надписью «Дворец бракосочетания» стояли, в окружении празднично одетого народа, гренадёрского роста невеста в просторном свадебном платье и низкорослый (по сравнению с ней) жених: судя по серой морде и красным печальным глазам – орк. Лицо невесты лучилось счастьем, чего нельзя было сказать о женихе; мадам Авдотья крепко прижимала к себе грустного спутника жизни, видимо, чтобы не удрал. А ещё невеста была на седьмом-восьмом месяце беременности.

– Позавчера зарегистрировались, – глянув на мерцающую в углу экрана дату, весело доложил гном. – Что скажешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.